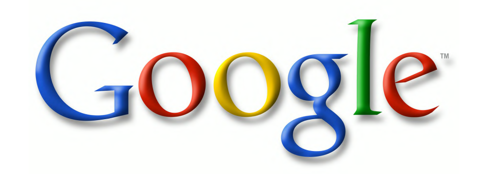

СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНІЕ РОССІИ
И
СОСЛОВНЫЙ ВОПРОСЪ

А. Пазухина.

МОСКВА.
1886.

СОВРЕМЕННОЕ
СОСТОЯНІЕ РОССІИ
И
СОСЛОВНЫЙ ВОПРОСЪ

А. Пазухина.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1886.

Дозволено цензурою. Москва, 11 марта 1886 г.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ

и

СОСЛОВНЫЙ ВОПРОСЪ

I.

Современное состояніе Россіи признается смутнымъ и неопредѣленнымъ. Жизнь народа за послѣднее время была обильна явленіями поражающими насъ внутреннимъ противорѣчіемъ. Быстрое распространеніе анархическихъ ученій, паденіе всякаго авторитета власти, развитіе въ обществѣ корыстныхъ инстинктовъ, упадокъ религіи, нравственности и семейнаго начала, — всѣ эти факты, являясь признаками соціальнаго разложенія, заставляютъ здоровые элементы задуматься надъ будущностью нашего отечества. Но тотъ же народъ который, повидимому, не въ силахъ бороться противъ зла подтачивающаго общественный организмъ, въ критическія минуты жизни сохранилъ способность проявлять и энергію, и единодушіе, и преданность историческимъ идеямъ. Подвиги самоотверженія и доблести выказанные Россіей въ послѣднюю войну, общій взрывъ негодованія вызванный катастрофой 1 марта, и чувство преданности къ Верховной Власти собравшее всѣ слои общества для защиты Престола во дни Коронованія, доказываютъ жизненность народа и являются какъ бы залогомъ его спасенія. Исходя изъ одного

ряда явленій можно прійти къ заключенію что Россія сильна, что государственный организмъ ея крѣпокъ. Взявъ въ основаніе другой рядъ явленій можно съ одинаковымъ правомъ утверждать что организмъ этотъ расшатанъ и разслабленъ. Мы видимъ Россію какъ бы раздвоенною. Существуетъ Россія историческая, покоящаяся на тѣхъ основахъ которыя выработаны тысячелѣтіемъ, преданная идеямъ которыя завѣщаны ей прошлымъ, Россія вѣрующая и способная на великія жертвы. Рядомъ съ ней живетъ другая Россія, не знающая своей исторіи, не имѣющая никакихъ идеаловъ, никакого уваженія къ прошлому, никакихъ заботъ о будущемъ, ни во что не вѣрующая и способная лишь къ разрушенію. Положеніе въ которомъ находится та и другая далеко не одинаково. Весь установившійся складъ жизни подавляетъ Россію историческую которая осмѣливается возвышать свой голосъ лишь въ годины испытаній, когда грозитъ опасность самому существованію государства, между тѣмъ какъ другая, враждебная ей Россія, заявляетъ о себѣ каждодневно и требованіемъ конституціи, и хищеніемъ общественнаго достоянія, и подвигами тайной крамолы.

Было бы непростительнымъ легкомысліемъ объяснять смутное положеніе Россіи обычными условіями переходнаго времени, борьбой новыхъ началъ жизни съ началами отживающими. Двадцатилѣтіе, время слишкомъ достаточное для разъясненія этихъ началъ, для указанія цѣлей къ которымъ стремится движеніе и интересовъ во имя которыхъ ведется борьба; но это истекшее двадцатилѣтіе, столь богатое возбужденіемъ, а не разъясненіемъ вопросовъ, оставило въ наслѣдство современному поколѣнію во всей силѣ вопросъ: куда мы идемъ? Неужели отвѣтомъ на него можно считать идеи соціальной революціи или туманныя доктрины объ ограниченіи самодержавія? Ошибочно думать что вопросъ этотъ разрѣшится самъ собою, безъ особыхъ усилій власти, безъ дѣятельнаго участія законодательства. Время, безъ сомнѣнія, обладаетъ цѣлительнымъ свойствомъ; но силы организма зараженнаго болѣзнью и оставленнаго безъ помощи, при дурныхъ гигіе-

ническихъ условіяхъ, могутъ не выдержать борьбы, и кто скажетъ чѣмъ окончится кризисъ.

Наступившее законодательное затишье можетъ, однако, принести пользу въ томъ отношеніи что дастъ возможность спокойнѣе и безпристрастнѣе отнестись къ современному положенію и правильнѣе разрѣшить вопросъ: чѣмъ мы больны? гдѣ основная причина дезорганизаціи Россіи и гдѣ источникъ смуты въ умахъ?

Когда мы говоримъ о современномъ состояніи Россіи, мысль естественно останавливается на реформахъ прошлаго царствованія, которыя создали новыя условія быта и опредѣлили характеръ эпохи нами переживаемой. Эти реформы, конечно, находятся въ связи съ болѣе отдаленными событіями нашей исторіи, но умалять ихъ значеніе отодвигая основную причину настоящаго состоянія Россіи во глубь исторіи, объяснять современную соціальную неурядицу ошибками Великаго Петра нѣтъ никакихъ основаній. Попытки сдѣланныя въ этомъ направленіи объясняются безусловною преданностью идеямъ той школы которая видитъ въ преобразованіяхъ начала XVIII вѣка источникъ всякаго въ Россіи зла. Въ свое время мы укажемъ на глубокое различіе въ основахъ преобразованій Петра и реформъ прошлаго царствованія. Теперь же, не прибѣгая къ историческимъ аналогіямъ, считаемъ достаточнымъ сослаться на показаніе очевидцевъ, на непосредственный опытъ людей пережившихъ реформенное время.

Едва ли можно назвать другую историческую эпоху столь благопріятную для реформаторовъ. Увлеченіе новыми идеями было такъ сильно что исключало возможность критики. Каждая реформа встрѣчалась общимъ сочувствіемъ. Немногіе голоса скептиковъ были заглушены громкимъ хвалебнымъ хоромъ. Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ не было замѣтно никакихъ признаковъ недовольства. Трудное дѣло освобожденія проводилось въ жизнь спокойно, при полномъ уваженіи къ закону, съ полнымъ довѣріемъ ко власти, при дружномъ участіи правительства и всѣхъ лучшихъ силъ стра-

ны. Но во второй половинѣ этого десятилѣтія, тотчасъ послѣ введенія въ дѣйствіе земской и судебной реформъ, совершился крутой переломъ въ общественномъ настроеніи. Явилось общее, хотя и мало сознательное, недовольство. Всѣ почувствовали тяготу новыхъ условій жизни, хотя и не могли себѣ дать отчетъ гдѣ причина тяготы. Въ этой-то второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ и совершился знаменательный въ нашей исторіи поворотъ отъ порядка къ безурядицѣ, отъ законоуваженія къ паденію авторитета власти, отъ оживленія къ полной апатіи. Любовь къ практическому дѣлу смѣняется увлеченіемъ самыми безумными доктринами, самыми жалкими идеями. Страна которая пять лѣтъ назадъ поставила на службу государству многочисленный институтъ мировыхъ посредниковъ, вдругъ обезлюдѣла. Всѣ общественные элементы приходятъ въ броженіе; всѣ классы общества охватываются страстію къ наживѣ; наступаетъ царство фразы и лжи; начинается рядъ общественныхъ скандаловъ къ которымъ народъ мало-по-малу привыкаетъ какъ къ явленіямъ повседневнымъ; шайка нигилистовъ держитъ въ страхѣ страну, угрожая самому существованію государства; верховная власть, какъ бы потерявшая всѣ нравственныя связи съ народомъ, теряетъ и всякую устойчивость, не находитъ точекъ опоры для опредѣленной внутренней политики и начинается быстрая смѣна правительственныхъ системъ; словомъ, начинается современное состояніе Россіи.

Политическая печать не могла конечно не замѣтить того перелома въ общественной жизни о которомъ мы говоримъ, но бо́льшая часть ея, въ своемъ слѣпомъ поклоненіи либеральнымъ доктринамъ, объясняла всѣ указанныя нами явленія недостаточнымъ усвоеніемъ идей лежащихъ въ основѣ реформъ, неумѣлостію общества пользоваться ихъ благодѣяніями. Вмѣсто оцѣнки реформъ внесшихъ дезорганизацію въ страну, стали обвинять самую страну за неумѣнье приладиться къ новымъ условіямъ жизни. Когда являются признаки отравы, обыкновенно изслѣдуютъ свойство яда и даютъ противоядіе. У насъ же ограничились порицаніемъ самой жерт-

вы отравленія за то что натура ея не можетъ осилить дѣйствіе яда.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ можетъ-быть и было извинительно объяснять общую апатію, недовольство и то уныніе духа которыя явились спутниками земской и судебной реформъ, свойствами народа, характеромъ русскаго общества, энергія котораго будто бы имѣетъ свойство быстро истощаться и смѣняться безпричиннымъ разочарованіемъ. Но въ настоящее время, послѣ пережитыхъ нами испытаній, послѣ потрясенія государственныхъ основъ, послѣ всѣхъ тѣхъ событій которыя подготовлялись на удобной для нихъ почвѣ общаго равнодушія, было бы большимъ лицемѣріемъ утверждать что эти реформы удовлетворяли какимъ-нибудь интересамъ страны, кромѣ развѣ небольшаго числа лицъ извлекающихъ изъ нихъ свои личныя выгоды. Равнымъ образомъ непростительно объяснять соціальное разстройство Россіи свойствами и характеромъ народа, исторія котораго богата безчисленными доказательствами его политической силы и организаторскихъ способностей.

Мы думаемъ что въ земской реформѣ главнымъ образомъ, а также въ послѣдующихъ преобразованіяхъ находящихся съ ней въ связи и однородныхъ съ ней по духу, слѣдуетъ искать главную причину современной дезорганизаціи. Въ основѣ ихъ лежало начало глубоко противное нашей исторіи и потребностямъ государственнымъ.

II.

У насъ принято говорить о реформахъ прошлаго царствованія безраздѣльно, разумѣя какъ освобожденіе крестьянъ, такъ и всѣ послѣдующія реформы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, чѣмъ какъ бы установляется между ними органическая связь и что̀ предполагаетъ единство руководящаго начала. Но такое объединеніе или правильнѣе смѣшеніе реформъ не находитъ себѣ никакого логическаго оправданія. Ни по своимъ историческимъ основамъ, ни по цѣлямъ, ни

тѣмъ менѣе по вліянію ихъ на бытъ страны и на отправленія государственнаго организма, между ними нѣтъ единства. Одна лишь внѣшняя связь, установленная временемъ введенія ихъ въ дѣйствіе, едва ли можетъ оправдать соединеніе этихъ реформъ въ нѣчто цѣлое, что̀ производитъ путаницу понятій и сбиваетъ съ толку общественное мнѣніе.

Начало вопроса объ отмѣнѣ крѣпостнаго права относится къ концу XVIII вѣка, когда русскому дворянству даны были права по мѣстному управленію и съ него была снята повинность обязательной государственной службы. Хотя дворянство, благодаря бытовымъ условіямъ и силѣ преданій, осталось сословіемъ служилымъ, но самый актъ освобожденія отъ обязательной службы поколебалъ помѣстную систему. Крѣпостное право изъ исторической необходимости стало превращаться въ историческую несправедливость, и отмѣна его сдѣлалась лишь вопросомъ времени. Освобожденіе крестьянъ было предметомъ заботъ какъ Александра I, такъ и императора Николая, но рѣшеніе откладывалось частію вслѣдствіе усложненныхъ международныхъ отношеній Россіи, главнымъ же образомъ въ виду громадности задачи и опасеній государственнаго потрясенія. Постепенное развитіе серіознаго образованія въ средѣ дворянства, вліяніе гуманныхъ идей, съ особенною силой сказавшееся въ сороковыхъ годахъ, и событія Крымской войны вызвали болѣе быстрый ходъ этого дѣла. Отмѣна крѣпостнаго права изъ вопроса отлагавшагося сдѣлалась вопросомъ неотложнымъ. Императоръ Александръ II блистательно разрѣшилъ задачу исторіи смущавшую его предшественниковъ. Успѣхъ реформы освобожденія является однимъ изъ самыхъ сильныхъ доказательствъ той истины что реформы вызванныя потребностями государственными и историческимъ ходомъ вещей никогда не терпятъ неудачи.

Положеніе 19 февраля, несмотря на частные свои недостатки, неизбѣжные въ такомъ трудномъ дѣлѣ и легко исправимые, разрѣшило главный вопросъ удовлетворительно. Крестьяне, получившіе гражданскія права, сохранившіе свое

обычное мірское устройство и обезпеченные земельною собственностью, были поставлены по отбыванію государственныхъ повинностей въ прямое отношеніе къ Верховной Власти,—положеніе хорошо знакомое нашей исторіи. Дворянство сохранило свое политическое положеніе, и къ его старымъ служилымъ правамъ присоединилось новое право выставлять изъ среды своей лицъ для приведенія въ исполненіе реформы и для управленія крестьянскимъ сословіемъ. Крестьяне были избавлены отъ произвола помѣщичьей власти, но вѣковая связь между этими сословіями не была порвана. Эта связь обусловливалась какъ солидарностью экономическихъ интересовъ, такъ въ особенности потребностью для массы крестьянскаго населенія въ ближайшемъ руководствѣ и защитѣ, потребностью которая не могла быть удовлетворена властью безъ посредства помѣстнаго дворянства. Грубая форма безправныхъ отношеній замѣнилась отношеніями правомѣрными. Крестьяне получили естественныхъ руководителей въ лицѣ посредниковъ, съ предводителемъ дворянства во главѣ. Такимъ образомъ, два важнѣйшія сословія Россіи: крестьянство, главный элементъ государственной силы, и дворянство, хранитель государственнаго сознанія и политическихъ преданій, остались на своихъ старыхъ историческихъ устояхъ. Такое опредѣленное и нормальное положеніе главныхъ силъ страны обезпечивало ходъ реформы въ политическомъ отношеніи; оно исключало возможность замѣшательства. Успѣхъ эманципаціи превзошелъ ожиданія современниковъ. Реформа приводилась въ исполненіе умѣлыми и опытными людьми. Случаи крестьянскихъ волненій были весьма рѣдки. Дворянство оправдало довѣріе Верховной Власти вполнѣ. Выбранный изъ его среды институтъ мировыхъ посредниковъ былъ послѣднимъ въ Россіи органомъ управленія безупречно исполнявшимъ свой долгъ. Свидѣтели эманципаціи хорошо помнятъ то оживленіе, тотъ подъемъ духа который сказался въ помѣстномъ дворянствѣ въ эту счастливую для Россіи эпоху. Несмотря на то что въ экономическомъ отношеніи реформа сопровождалась для

дворянъ самыми суровыми мѣрами, закрытіемъ поземельнаго кредита, обязательнымъ погашеніемъ долговъ при выкупѣ и свободною продажей дешеваго вина, дворянство переносило экономическій кризисъ спокойно. Находившееся въ тѣсномъ единеніи съ Верховною Властью и безусловно ей преданное, оно не переставало считать себя главною опорой правительства. Эманципація снимала съ дворянъ тяжелую отвѣтственность наложенную на него крѣпостнымъ правомъ и высоко подняла нравственное достояніе этого сословія въ его собственныхъ глазахъ. Въ матеріальныхъ жертвахъ приносимыхъ ради государственныхъ цѣлей дворянство видѣло лишь временное экономическое стѣсненіе.

Положеніе 19 февраля, разрѣшившее такъ удачно основный вопросъ, должно было, казалось, послужить точкой отправленія для дальнѣйшей законодательной дѣятельности. Явилась потребность упрочить положеніе сословій коихъ интересы были затронуты, согласовать старые законы съ Положеніемъ 19 февраля, поставить дореформенныя учрежденія въ положеніе соотвѣтствующее новымъ условіямъ. Являлась далѣе потребность въ такихъ мѣрахъ которыя помогли бы дворянству и крестьянамъ перенести экономическій кризисъ съ меньшими потерями.

Къ несчастію для Россіи, возбужденіе умовъ вызванное отмѣной крѣпостнаго права было неудобною почвою для разумѣнія истинныхъ потребностей страны. Правительство, преувеличивъ значеніе той оппозиціи которая была высказана реформѣ (на первыхъ порахъ) въ средѣ высшаго дворянства и въ кругу нѣкоторыхъ государственныхъ людей, стало оказывать покровительство направленію называвшемуся въ то время прогрессивнымъ. Этимъ словомъ характеризовалась всякая идея враждебная старому порядку. Съ конца 50-хъ годовъ въ петербургской журналистикѣ, подъ покровомъ правительственной цензуры, стали проповѣдываться доктрины дышавшія ненавистью ко всему историческому строю Россіи, клонившіяся къ ниспроверженію всѣхъ основъ нравственности и государственнаго порядка. Подъ видомъ защиты ин-

тересовъ низшихъ классовъ проводились идеи самаго дикаго коммунизма. Неопредѣленное положеніе занятое правительствомъ по отношенію къ этимъ новымъ идеямъ не могло не произвести смуты въ умахъ. Мнѣнія петербургской журналистики стали выдаваться за духъ времени, за общественное мнѣніе страны, а это мнимое общественное мнѣніе прикрывалось авторитетомъ правительства.

Несмотря, однако, на путаницу понятій которую производила журналистика въ умахъ громадной толпы и на вредное вліяніе такъ-называемыхъ прогрессивныхъ идей въ нравственномъ отношеніи, отправленія государственной жизни шли правильно, ибо историческія силы на которыхъ покоилось государство были тогда цѣлы. Въ то время какъ взволнованные умы въ столицахъ были заняты разсужденіями о преимуществахъ той или другой соціалистической доктрины, страна была погружена въ практическую дѣятельность введенія уставныхъ грамотъ, разверстанія угодій и водворенія порядка въ крестьянскомъ управленіи. Въ то время какъ лживая журналистика занималась отрицаніемъ самаго принципа власти и закона, крестьяне и дворяне преданные закону и власти ловили разносителей «золотыхъ грамотъ» и передавали ихъ въ руки полиціи. Въ то время какъ польскія притязанія находили себѣ пріютъ въ петербургскихъ гостиныхъ и газетныхъ редакціяхъ, а смущенное правительство подъ давленіемъ иностранныхъ державъ и такъ называемаго духа времени готово было пожертвовать самыми жизненными интересами государства, всѣ сословія Россіи соединились для отпора польскимъ притязаніямъ, вынудили у правительства болѣе твердую національную политику и поддержали безчисленными адресами дѣятельность Муравьева въ Вильнѣ. Зло скользило лишь по поверхности и не проникало въ глубь Россіи. Нигилистическія идеи были въ большомъ ходу, но онѣ не были опасны для государства, пока корни его были здоровы, пока были цѣлы наши историческія сословія, крѣпкія своею организаціей и традиціонною связью съ Верховною Властью. Правительство опиравшееся на нихъ было несокрушимо.

Еслибы законодательная власть за основаніе для своей дальнѣйшей дѣятельности взяла крестьянскую реформу и сообразовалась съ органическими силами страны, можно съ увѣренностью сказать что переходное состояніе давно бы отошло въ область преданій, и мы не были бы свидѣтелями современнаго хаотическаго состоянія Россіи. Къ сожалѣнію, возбужденіе умовъ, путаница въ самыхъ основныхъ понятіяхъ, отсутствіе разумѣнія въ правящихъ сферахъ, помѣшали намъ удержаться на практической почвѣ и на историческихъ основахъ жизни. Крестьянская реформа считалась либеральною. Успѣхъ ея былъ объясненъ торжествомъ либеральныхъ идей. Явилось мнѣніе что Россія можетъ вынести всякую реформу, лишь бы она согласовалась съ принципами которые считались въ то время либеральными. Законодательная власть перестаетъ обращать вниманіе на практическія требованія жизни и вступаетъ на путь дотолѣ неизвѣстный нашей исторіи. Въ основѣ всѣхъ реформъ слѣдующихъ за крестьянскою лежитъ принципъ уравненія или такъ называемаго сліянія сословій не только въ правахъ личныхъ (гражданскихъ), но и во всѣхъ правахъ служебныхъ (политическихъ).

III.

Въ противоположность крестьянской реформѣ, которая подготовляясь полувѣковымъ періодомъ исторіи и разработка основныхъ положеній коей потребовала болѣ трехъ лѣтъ, о земской реформѣ можно сказать что она не имѣетъ никакой исторіи. Россія совсѣмъ неожиданно очутилась подъ дѣйствіемъ закона изготовленнаго въ тиши петербургскихъ канцелярій и долженствовавшаго измѣнить весь ея бытъ.

Благодаря пристрастію къ отвлеченнымъ формуламъ, этой болѣзни реформенной эпохи отъ которой не излѣчилась еще современная мысль, вопросъ о земствѣ мало разъясненъ. Говоря о немъ, разумѣютъ нерѣдко не дѣйствительное земство, а воображаемое, не то которое создано Положеніемъ 1864 года, а какую-то органическую силу нашей жизни которая имѣетъ будто бы свойство исцѣлять всѣ общественные

недуги. При неясности представленія о томъ и другомъ, мысль невольно путается въ противорѣчіяхъ, и въ результатѣ являются невѣрные выводы. Въ послѣдствіи мы коснемся вопроса о нашемъ историческомъ земствѣ. Теперь же остановимся на томъ самоуправленіи которое явилось въ Россіи въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ.

Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 года создало общественные органы для завѣдыванія мѣстными хозяйственными дѣлами, причемъ эти органы были поставлены внѣ связи съ правительствомъ и внѣ всякой связи съ сословіями. Новый законъ имѣвшій, повидимому, цѣлью призвать къ дѣятельности общественныя силы, оставилъ безъ вниманія наши историческіе общественные союзы и въ основу созданныхъ имъ учрежденій поставилъ случайныя группы имущественниковъ. Эта замѣна живыхъ органическихъ силъ страны механическимъ сочетаніемъ единицъ составляетъ основную черту земскихъ Положеній. Искусственная смѣсь разныхъ народныхъ элементовъ есть тотъ фундаментъ на которомъ построены земскія учрежденія. Въ первый разъ въ русской исторіи законодательство дѣлаетъ опытъ разрушить ту сословную организацію въ которой жила и развивалась Россія въ теченіе вѣковъ и обратить ее въ безсословную и безформенную.

Новосозданное земство не имѣетъ опредѣленныхъ свойствъ которыя бы дали возможность, хотя въ общихъ чертахъ, установить положительные его признаки какъ извѣстнаго фактора въ государственномъ организмѣ. Это не есть опредѣленная среда, ни даже совокупность опредѣленныхъ элементовъ. Отличительная черта нашего земства есть случайность его состава и направленія. Съѣздъ частныхъ землевладѣльцевъ есть сборъ отдѣльныхъ единицъ или группъ разъединенныхъ общественнымъ положеніемъ, образомъ жизни, воспитаніемъ и уровнемъ нравственныхъ понятій. Вмѣстѣ съ представителями помѣстнаго дворянства, сюда являются и фабриканты живущіе въ столицахъ, пріѣзжающіе на эти съѣзды одинъ разъ въ трехлѣтіе съ цѣлью похлопотать о

земской партіи которая была бы милостива къ ихъ фабрикамъ и владѣльцы кабаковъ, единственный интересъ которыхъ есть спаиваніе народа и избавленіе отъ налога ихъ заведеній, и кулаки выбранные въ уполномоченные отъ съѣзда мелкихъ землевладѣльцевъ и желающіе попасть въ члены управы. Законъ надѣлилъ всѣхъ одинаковымъ правомъ избранія, не различая мѣстныхъ жителей владѣющихъ столѣтнею осѣдлостью въ уѣздѣ отъ вчерашнихъ покупщиковъ земли, почему на этихъ избирательныхъ съѣздахъ нерѣдко можно встрѣтить представителей нашей интеллигенціи купившихъ на дняхъ за безцѣнокъ болото, въ надеждѣ пройти въ гласные съ цѣлью просвѣтить отсталое земство идеями вычитанными въ либеральныхъ журналахъ или, что̀ бываетъ чаще, для того чтобы получить жалованье изъ земскихъ суммъ. Самая численность избирательнаго съѣзда можетъ колебаться отъ нормы низшей противъ установленной закономъ для гласныхъ отъ землевладѣльцевъ до громадной цифры нѣсколькихъ сотенъ, если какому-нибудь земцу вздумается устроить избирательную агитацію. Вся организація землевладѣльческихъ съѣздовъ такова что даетъ полный просторъ интригѣ съ самыми темными цѣлями, которая не сдерживается никакою нравственною уздой.

Городскіе избирательные съѣзды отличаются еще болѣе случайнымъ составомъ и даютъ контингентъ земскихъ гласныхъ большею частію очень низкаго нравственнаго уровня.

Одни крестьяне по Положенію 1864 года имѣютъ сословныя избирательныя коллегіи, но законъ, неумолимый въ проведеніи принципа безсословности, предоставилъ имъ право выбора изо всѣхъ разрядовъ собственниковъ. Кто бывалъ на крестьянскихъ избирательныхъ съѣздахъ, тотъ хорошо знаетъ равнодушіе крестьянъ къ земскимъ дѣламъ. На обязанности гласнаго они смотрятъ какъ на тяжелую и совсѣмъ несвойственную имъ повинность, почему всегда готово выбрать въ гласные перваго заявившаго о томъ желаніе, причемъ они вовсе не считаютъ безнравственнымъ получить за свои бѣлые шары магарычъ. При этихъ условіяхъ кресть-

янскіе выборы представляютъ самую удобную арену для интриги.

Какую гарантію представляютъ земскія собранія, составъ коихъ опредѣляется этими тремя разрядами выборовъ, въ добросовѣстномъ исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей? Какъ бы мы ни умаляли значеніе принципа способности какъ элемента общественныхъ правъ, не можемъ же мы простую честность исключить изъ числа условій необходимыхъ для управленія общественными дѣлами.

Худшій приговоръ для нашего земства есть тотъ что оно не поддается опредѣленію, такъ какъ подвергается всѣмъ колебаніямъ случайности. Земство можетъ быть хорошо въ одномъ уѣздѣ и очень плохо въ другомъ, съ нимъ смежномъ. Въ теченіе одного трехлѣтія оно можетъ дѣятельно и добросовѣстно вести дѣла своего управленія, а въ слѣдующее трехлѣтіе въ этомъ же самомъ земствѣ могутъ водвориться порядки самаго безсовѣстнаго хищенія и возмутительныхъ злоупотребленій. Случайно земство можетъ служить опорой власти и также случайно можетъ подчиниться анархическимъ тенденціямъ. Какъ сборъ несвязныхъ единицъ, оно можетъ бросаться отъ одной крайности къ другой, смотря по случайному направленію. Все зависитъ отъ состава собранія и отъ вліянія одного или двухъ лицъ попавшихъ въ среду земства. Являясь представительствомъ всѣхъ, земскія учрежденія не могутъ быть серіознымъ представительствомъ какихъ-либо опредѣленныхъ интересовъ; не имѣя никакой связи съ бытовыми союзами, не находясь подъ ихъ нравственнымъ контролемъ, гласные земскихъ собраній могутъ безнаказанно примѣнять на практикѣ свои личныя, случайныя воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ съ интересами и взглядами этихъ бытовыхъ союзовъ которые собственно и составляютъ Русскій народъ, и дѣлать всевозможные и самые рискованные опыты надъ жизнію народа. Поставленные въ условія при которыхъ единственнымъ руководствомъ для дѣятельности являются общія мѣста и фразы безъ предмета, гласные земскихъ собраній подвергаются большому искушенію

подъ прикрытіемъ этихъ отвлеченностей устраивать свои личныя дѣла.

Едва ли нужно приводить много фактовъ въ доказательство что наше земство идетъ быстрыми шагами къ нравственному разложенію. Они извѣстны всякому знакомому съ провинціальною жизнью. На безсословной почвѣ очень быстро народились представители безсословнаго начала корысти. Если мало еще такихъ уѣздовъ гдѣ земство находится въ рукахъ простой шайки негодяевъ, то не мало уже такихъ гдѣ на выборы лицъ служащихъ по земству имѣютъ вліяніе люди сомнительной нравственности. Тамъ гдѣ помѣстное дворянство теряетъ вліяніе на ходъ дѣлъ, власть очень быстро переходитъ въ грязныя руки представителей новыхъ элементовъ, неразборчивыхъ въ выборѣ средствъ, борьба съ которыми для людей добросовѣстныхъ невозможна.

Земство, довольно долго находившееся подъ покровительствомъ нашей либеральной прессы, въ послѣднее время имѣетъ мало поклонниковъ. Нападки на него сыплются изо всѣхъ лагерей. Но осуждая земство какъ учрежденіе, нѣкоторые органы нашей печати благоговѣютъ предъ нимъ какъ предъ историческою силой. Относясь отрицательно къ Положенію 1864 года, они не теряютъ надежды что земство способно сдѣлаться основой нашей государственной жизни. Усматривая въ настоящемъ земствѣ лишь мертвый формализмъ въ будущемъ они видятъ живое земство какъ охранительную силу находящуюся въ тѣсномъ единеніи съ Верховною Властью. Эти положенія высказываются очень опредѣленно, но когда рѣчь заходитъ объ организаціи будущаго земства, о тѣхъ условіяхъ при которыхъ оно можетъ пріобрѣсть охранительныя силы, превратиться изъ разлагающагося въ жизнеспособное, эти публицисты ограничиваются очень туманными намеками. Безсиліе хотя бы въ общихъ чертахъ указать организацію при которой земское самоуправленіе могло бы идти правильнымъ путемъ мы не можемъ объяснить ничѣмъ инымъ какъ неясностію основныхъ положеній, путанностью главнаго вопроса: что такое зем-

ство? Все дѣло въ томъ, разумѣть ли подъ русскимъ земствомъ безсословную и безформенную Россію, съ разрушенными бытовыми союзами, или же наоборотъ, подъ земствомъ разумѣть Россію организованную въ сословія, которыя созданы продолжительнымъ ходомъ исторіи и назначеніе коихъ удовлетворять опредѣленнымъ потребностямъ государственной жизни. Если вѣрно первое, то за что̀ нападать на Земское Положеніе 1864 года которое такъ послѣдовательно въ проведеніи принципа безсословности? Если справедливо второе, зачѣмъ ограничиваться туманными намеками и не указать прямо источникъ зла? Нельзя уклоняться отъ отвѣта на этотъ принципіальный вопросъ если мы не желаемъ вѣчно путаться въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ, если мы намѣрены отдавать отчетъ въ своихъ мысляхъ, если мы хотимъ серіозно заняться изысканіемъ мѣръ которыя вывели бы наше отечество изъ настоящаго тяжелаго положенія. Въ русской исторіи усматриваютъ двѣ дѣйствующія силы, два устоя: верховную власть и народъ. Это очень вѣрная, но отвлеченная формула. Что̀ разумѣется здѣсь подъ народомъ? Народъ ли организованный въ сборныя силы, въ опредѣленные составы, или народъ какъ механическое сочетаніе милліоновъ единицъ? По отрицательному отношенію такъназываемой либеральной печати къ сословному началу можно заключить что подъ народомъ она разумѣетъ всю массу народа какъ безсословное земство.

Нѣтъ ничего неопредѣленнѣе этого понятія. Безсословное земство означаетъ всѣхъ, а всѣ—значитъ никто. Откуда возьмутся въ обществѣ состоящемъ изъ однѣхъ случайныхъ, постоянно смѣняющихся группъ охранительныя силы? Что̀ можетъ служить для нихъ связующимъ элементомъ? Съ тѣхъ поръ какъ реформами прошлаго царствованія ослаблена организація нашихъ сословій и съ тѣхъ поръ какъ правительство перестало смотрѣть на дворянство какъ на опору порядка, лишивъ его всѣхъ служилыхъ правъ, между правительствомъ и народомъ явилось множество недоразумѣній которыя увеличиваются пропорціонально распаденію истори-

ческихъ союзовъ. Народъ раздробленный, лишенный своихъ органическихъ связей оказался безсильнымъ, какъ намъ показалъ опытъ, бороться съ малочисленною, но хорошо организованною шайкой нигилистовъ. Гдѣ же указанія на то что безсословное земство можетъ стать живою и дѣятельною силой? Гдѣ факты которые бы намъ дали надежду что оно можетъ стать основой порядка? Опытъ показываетъ намъ что безсословное земство способно лишь расшатывать государственный организмъ, а насъ приглашаютъ вѣрить въ его зиждительныя силы. Мы думаемъ что всѣ старанія открыть эти силы будутъ безплодны. Это есть тотъ математическій *иксъ* для отысканія коего у насъ не имѣется данныхъ, и вѣру въ спасительныя свойства безсословнаго земства мы можемъ объяснить лишь тѣмъ туманомъ который напущенъ на Россію реформенною эпохой, который лишилъ насъ возможности видѣть современныя явленія въ ихъ настоящемъ видѣ и мѣшаетъ понять истинный смыслъ нашей исторіи.

Неясность представленія о нашемъ земствѣ была главною причиной неправильной постановки возбужденнаго три года назадъ вопроса о реформѣ мѣстнаго управленія. Извѣстенъ ходъ этого дѣла.

Слишкомъ очевидные, рѣзко бросавшіеся въ глаза недостатки крестьянскаго управленія, заставили обратить вниманіе на систему всего уѣзднаго управленія и въ ней искать причину неурядицы отъ которой страдаетъ наше сельское населеніе. Паденіе всякаго авторитета власти среди крестьянъ не трудно было объяснить тѣмъ многовластіемъ которое явилось въ уѣздѣ со времени введенія земскихъ учрежденій и судебно-мироваго института, той обособленности въ которой находятся земскія учрежденія относительно правительственныхъ органовъ и тѣмъ антагонизмомъ который между ними существуетъ. Если зло было указано вѣрно, то и исправленіе его должно было заключаться въ устраненіи многовластія и, главнымъ образомъ, въ установленіи органической связи между земствомъ и правительствомъ. Такъ была понята цѣль

реформы. Въ этомъ смыслѣ обсуждался вопросъ въ земскихъ и крестьянскихъ учрежденіяхъ. Въ этомъ направленіи шли разслѣдованія при производствѣ сенаторскихъ ревизій и въ такомъ же направленіи должны были идти работы въ правительственной коммиссіи. Вопросъ былъ поставленъ на почву соглашенія между земствомъ и правительствомъ. Задача опредѣлилась изысканіемъ такой формы управленія которая была бы пригодна для совмѣстной земско-правительственной дѣятельности. Основаніе на которомъ построено наше земское самоуправленіе признавалось не подлежащимъ провѣркѣ. Подъ земствомъ разумѣлись тѣ самые безсословные органы управленія которые созданы Положеніемъ 1864 года. Вопросъ заключался лишь въ томъ которому изъ двухъ началъ, правительственному или земскому, будетъ дано большее значеніе. Здѣсь произошла весьма характерная борьба двухъ партій. Несмотря на разнообразіе взглядовъ высказанныхъ въ земскихъ собраніяхъ, они всѣ сводились къ двумъ главнымъ. Сторонники нашего самоуправленія желали чтобы все мѣстное управленіе было передано въ руки земства, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ полнаго упраздненія крестьянскихъ учрежденій и введеніе принципа безсословности въ управленіе селомъ и волостью. Это мнѣніе встрѣтило сильную оппозицію въ средѣ самого земства, со стороны лицъ находившихъ опаснымъ вооружать административною властью случайныхъ избранниковъ земскихъ собраній, такъ какъ опытъ представляетъ безчисленныя доказательства не только ихъ неспособности пользоваться властью, но и полной нравственной негодности. Эта оппозиція, относившаяся отрицательно къ самымъ основамъ земскихъ учрежденій, но стѣсненная въ откровенномъ выраженіи своихъ мнѣній въ земскихъ собраніяхъ, стояла вообще за усиленіе авторитета правительства въ мѣстныхъ дѣлахъ и въ частности за возстановленіе института мировыхъ посредниковъ. Вопросъ о сословномъ вліяніи въ дѣлѣ мѣстнаго управленія не обсуждался. Значеніе предводителя дворянства, этого единственнаго представителя нашего стараго служилаго сословія пощаженнаго реформами прош-

лаго царствованія, не могло быть предметомъ спора. Весь ходъ реформы предрѣшалъ, а логическая послѣдовательность требовала или полнаго упраздненія этой должности, или низведенія ея вліянія до нуля.

Борьба двухъ началъ, правительственнаго и земскаго, за первенство въ мѣстномъ управленіи которая велась въ земскихъ собраніяхъ, одновременно шла и въ печати. Отъ вліянія этой борьбы не могла быть свободна и правительственная коммиссія. Вопросъ поставленъ былъ такъ опредѣленно что она должна была склонить вѣсы въ ту или другую сторону, представить главное вліяніе въ мѣстномъ управленіи началу бюрократическому, поставивъ земскія учрежденія въ положеніе зависимое и подчиненное или, наоборотъ, отдать мѣстное управленіе въ руки земства, при нѣкоторомъ лишь участіи правительственныхъ органовъ.

Какое бы ни послѣдовало рѣшеніе по этому вопросу, какая бы ни была придумана искусная форма объединенія правительственно-земской власти, насущная потребность государства и народа не могутъ оставаться удовлетворенными. Вся цѣль, весь смыслъ реформы мѣстнаго управленія заключались въ томъ чтобы дать Россіи устойчивое положеніе создать твердый порядокъ управленія имѣющій будущность и способный успокоить возбужденное общество. Такой порядокъ возможно было бы создать въ томъ случаѣ еслибы правительство нашло въ средѣ народа такой разрядъ лицъ къ которому оно могло бы относиться съ довѣріемъ, который былъ способенъ, по своимъ нравственнымъ свойствамъ, пользоваться властью и хотя отчасти могъ бы замѣнить наше помѣстное дворянство, лишенное реформами прошлаго царствованія всякаго вліянія на ходъ мѣстныхъ дѣлъ. Но пока правительство не обладаетъ этою вспомогательною, преданною ему силой, всякая попытка установить прочный порядокъ въ мѣстномъ управленіи останется тщетною.

Главная ошибка въ вопросѣ о реформѣ мѣстнаго управленія и состоитъ въ томъ что земство признавалось за ту силу которая способна замѣнить старое помѣстное дворянство.

Эта ошибка лишаетъ задуманную реформу всякаго значенія. Существующій порядокъ страдаетъ не столько недостаткомъ формъ, сколько отсутствіемъ того элемента, который составляетъ душу мѣстнаго управленія. Какую пользу могутъ принести измѣненіе формъ, перемѣщеніе центровъ власти, если новыя учрежденія будутъ стоять на той же зыбкой почвѣ, на которой стоитъ и существующій порядокъ? Въ средѣ знакомой съ практическою жизнью немного найдется такихъ оптимистовъ имѣющихъ, не скажемъ увѣренность, но хотя бы слабую надежду на то, что задуманнав реформа исправитъ положеніе дѣлъ. Къ этой неувѣренности присоединяется очень сильное опасеніе что реформой будутъ совсѣмъ стерты остатки тѣхъ историческихъ силъ, которыя теперь поддерживаютъ, хотя съ трудомъ, нѣкоторый порядокъ въ странѣ.

IV.

Мы остановились такъ долго на изслѣдованіи основъ земской реформы потому что она опредѣлила дальнѣйшій ходъ преобразовательной дѣятельности. Слѣдующія за ней реформы или связаны съ земствомъ формальнымъ образомъ, пріурочены къ нему, или построены на томъ самомъ руководящемъ началѣ, которое проведено въ Земскомъ Положеніи 1864 года.

Городовое Положеніе отстранило отъ управленія городскимъ хозяйствомъ наши старыя городскія сословія купцовъ и мѣщанъ и образовало безсословную городскую думу. Гласные думы избираются всѣми городскими собственниками, которые дѣлятся на нѣсколько разрядовъ по количеству платимаго ими налога. Тотъ же характеръ случайности, который лежитъ въ основѣ земскихъ избирательныхъ съѣздовъ составляетъ отличительную черту и городскихъ избирательныхъ группъ Интрига руководящаяся корыстными побужденіями, проникающая въ земскіе выборы, является необходимымъ условіемъ городской избирательной системы. Города жившіе до реформы спокойною дѣловою жизнью въ настоящее

время представляютъ зрѣлище борьбы партій изъ-за права распоряжаться городскими имуществами и кассами городскихъ банковъ. Безсословная дума, собранія коей отличаются постоянно мѣняющимся случайнымъ составомъ, представляетъ самый удобный матеріалъ для эксплуатаціи общественныхъ интересовъ въ пользу кармана ловкихъ людей, грязныя дѣла которыхъ прикрываются рѣшеніями самоуправляющейся думы. Безсословная организнція даетъ легкую возможность болѣе смышленымъ представителямъ нашей разрастающейся интеллигенціи забирать управленіе городскими дѣлами въ свои руки. Болѣе искусные въ интригѣ, они мало-по-малу оттѣсняютъ городскихъ старожиловъ, купцовъ и мѣщанъ, отъ вліянія на ходъ дѣлъ и начинаютъ хозяйничать городскими имуществами по всей своей волѣ.

Земская и городская реформы являются самыми важными въ смыслѣ разрушенія историческаго строя нашей жизни. Онѣ оказали сильное разлагающее вліяніе на общественный бытъ и очень быстро расшатали порядокъ державшійся на крѣпкой связи сословныхъ корпорацій съ Верховною Властью. Эти двѣ реформы поворотили Россію на путь чуждый ея исторіи и создали новый порядокъ, новый строй жизни, который характеризуется лишь отрицательными сторонами и можетъ быть названъ дезорганизаціей Россіи. Что касается судебной реформы, то ей суждено было закрѣпить новый порядокъ вещей, взявъ дезорганизованную Россію подъ свою защиту.

Новыя судебныя учрежденія не имѣющія связи съ исторіей нашего судоустройства, организованныя по иностраннымъ образцамъ, вводились въ дѣйствіе въ эпоху самаго сильнаго возбужденія умовъ, когда господствовалъ духъ разрушенія всѣхъ основъ нашей исторіи. Составъ судовъ, прокуратуры и адвокатуры, наполнился сторонниками этого отрицательнаго направленія, которые образовали очень сильную корпорацію. Поставленная въ положеніе независимое и самостоятельное, вооруженная правомъ карать и миловать, судебная корпорація имѣла полную возможность вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ, и это вліяніе сказывалось поощреніемъ са-

мыхъ безобразныхъ явленій новаго строя жизни и безпощаднымъ бичеваніемъ всего что̀ носило слѣды дореформенной эпохи. Правосудіе стало руководиться не столько закономъ и правдой сколько тенденціей. Въ той борьбѣ историческихъ основъ жизни съ началомъ разрушенія которая ведется въ Россіи въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, въ борьбѣ сословнаго начала съ безсословнымъ, порядка съ анархіей и власти со своеволіемъ, новые суды заняли положеніе воюющей стороны и открыто стали въ оппозицію ко власти, къ порядку и къ сословному принципу. Исторія новыхъ судовъ представляетъ безчисленные примѣры пристрастныхъ въ этомъ смыслѣ рѣшеній. Органы правосудія, какъ извѣстно, не остановились даже передъ покровительствомъ государственной крамолѣ.

Дворянство было отстранено отъ участія въ мѣстномъ судѣ. Выборы мировыхъ судей предоставлены безсословнымъ органамъ нашего самоуправленія. Хотя, благодаря высокому имущественному и образовательному цензу, личный составъ судебно-мироваго института наполнился на первыхъ порахъ большею частью представителями помѣстнаго дворянства, но поставленные въ зависимость отъ земства мировые судьи не могли сохранить самостоятельности. Недостатки земскихъ учрежденій отразились и на ходѣ мѣстнаго правосудія. Борьба земскихъ партій, постепенный переходъ власти въ руки новыхъ элементовъ, имѣли въ результатѣ ухудшеніе личнаго состава. Люди самостоятельные и добросовѣстные, не желавшіе участвовать въ интригахъ, стали уклоняться отъ выборовъ. Въ послѣднее время судебно-мировой институтъ сталъ наполняться лицами не имѣющими никакой связи съ мѣстностію. Теперь не рѣдкость наканунѣ выборовъ встрѣтить искателей мѣстъ на открывшуюся вакансію мироваго судьи, въ первый разъ явившихся въ городъ и разъѣзжающихъ съ визитами ко вліятельнымъ гласнымъ съ документомъ о фиктивномъ цензѣ въ рукахъ. Не трудно предвидѣть до какого нравственнаго паденія дойдетъ мировой институтъ при полномъ торжествѣ безсословнаго начала.

Реформы въ военномъ вѣдомствѣ завершили собою преобразовательную эпоху, дѣятели которой думали осчастливить Россію сліяніемъ сословій. Эти реформы нанесли послѣдній ударъ дворянству какъ служилому сословію. Онѣ отняли у него всѣ преимущества по военной службѣ. Корпусъ офицеровъ арміи, состоявшій до того времени изъ средняго и мелкопомѣстнаго дворянства, теперь наполненъ разношерстною безсословною толпой. Уровень нравственности сильно понизился. Духъ товарищества и чести смѣнился страстію къ интригамъ и кляузамъ, плохими условіями для поддержанія дисциплины въ войскахъ.

Учебная реформа въ ряду другихъ реформъ прошлаго царствованія занимаетъ особое положеніе и не имѣетъ прямаго отношенія къ занимающему насъ вопросу. Но въ обстоятельствахъ сопровождавшихъ эту реформу проявилась борьба тѣхъ же началъ которыя характеризуютъ всю преобразовательную эпоху.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ что вопросъ объ измѣненіи учебнаго плана въ среднеобразовательныхъ заведеніяхъ, который стоитъ въ зависимости отъ требованій науки и можетъ быть предметомъ обсужденія лишь людей спеціальныхъ знаній и педагогическаго опыта, сдѣлался у насъ предметомъ страстной и шумной общественной агитаціи. Фактъ этотъ объясняется вліяніемъ тѣхъ реформъ которыя подорвали нашу сословную организацію и привели Россію въ состояніе соціальнаго броженія. Безсословное, безформенное общество увидѣло въ учебной реформѣ предлогъ для агитаціи въ своихъ цѣляхъ. Россія уравненная во всѣхъ правахъ потребовала чтобъ ей дали и возможность пользоваться этими правами. Среднеобразовательныя и высшія школы даютъ у насъ права государственной службы. Явилось желаніе создать такую учебную систему которая дала бы легкій способъ всякому получить права государственной службы. Для этого нужно было понизить уровень научныхъ требованій и значительно увеличить число школъ. Въ этомъ смыслѣ и велась агитація подъ знаменемъ

реальнаго образованія. Сторонники этой системы проектировали такой курсъ ученья который доступенъ не только среднему дарованію, но и полной бездарности. Вся сила аргументаціи противъ классической системы сводилась на то что древнимъ языкамъ учиться трудно.

Къ счастію для Россіи, агитація потерпѣла неудачу, и въ, борьбѣ классицизма съ реализмомъ побѣда осталась на сторонѣ серіозныхъ научныхъ потребностей. Но учебная реформа не могла значительно ослабить вліяніе другихъ реформъ, лишившихъ Россію ея исторической организаціи.

V.

Реформы построенныя на безсословномъ началѣ расторгли непосредственную связь между Верховною Властью и сословіями, на которой держался нашъ государственный порядокъ и содѣйствовали постепенному разрушенію сословій.

Въ томъ погромѣ который начался послѣ крестьянской реформы по всѣмъ частямъ управленія, безо всякаго соображенія съ основаніями нашего государственнаго строя, всего болѣе досталось нашимъ историческимъ общественнымъ союзамъ. Хотя законы о состояніяхъ не отмѣнены, хотя сословіямъ дозволено существовать, но они сдвинуты новосозданными общественными учрежденіями съ того мѣста которое принадлежитъ имъ по историческому праву. Со времени реформъ сословная жизнь идетъ вяло. Голосъ сословій заглушенъ громкимъ крикомъ безсословной толпы. Въ теченіе двадцати лѣтъ самые насущные интересы сословій приносятся въ жертву мнимымъ интересамъ общаго блага, которые служатъ лишь предлогомъ для ловкихъ людей устраивать свое личное благополучіе. Тѣмъ не менѣе, благодаря живучести историческихъ силъ, несмотря на тяжелое положеніе въ которомъ находятся наши сословія, въ нихъ, въ этихъ полуразрушенныхъ общественныхъ союзахъ еще крѣпокъ историческій духъ. Среди постоянныхъ колебаній и жалкихъ увлеченій безпочвенной интеллигенціи они остают-

ся единственными хранителями преданій исторіи и истиннаго патріотизма.

Болѣе другихъ сословій пострадало въ реформенную эпоху русское дворянство. Корпоративная связь между его членами ослабѣваетъ. Изъ состава его каждогодно выбываетъ значительное число лицъ чрезъ продажу имѣній, и дворянство утрачиваетъ мало-по-малу значеніе государственнаго сословія какъ опорной силы для Верховной Власти. У насъ принято объяснять паденіе дворянства исключительно экономическими причинами. Либеральная печать, традиціонная въ своей ненависти къ нашему высшему сословію, видитъ въ немъ только бывшихъ владѣльцевъ дароваго труда и все значеніе его сводитъ къ вопросу объ этой привилегіи. Указывая со злорадствомъ на такъ-называемое дворянское оскудѣніе, она считаетъ этотъ фактъ за несомнѣнное доказательство неумѣлости дворянства примѣниться къ новымъ экономическимъ условіямъ. Паденіе политическаго значенія дворянства было, по ея мнѣнію, необходимымъ и естественнымъ слѣдствіемъ отмѣны крѣпостнаго права. Такая аргументація, отличающаяся на первый взглядъ простотой и логикой, при болѣе внимательномъ отношеніи къ вопросу является далеко не убѣдительною.

Отмѣна крѣпостныхъ отношеній, поставивъ дворянство и крестьянъ въ условія экономической борьбы, неизбѣжной при экономической свободѣ, не могла не вызвать экономическихъ затрудненій для этихъ сословій, неимѣвшихъ навыка пользоваться орудіями борьбы. Эти затрудненія, благодаря финансовой политикѣ, не обращавшей никакого вниманія на интересы земледѣльческой промышленности, стали у насъ явленіемъ хроническимъ. Въ результатѣ явилось экономическое разстройство какъ землевладѣльческаго, такъ и земледѣльческаго классовъ, и общій упадокъ ихъ благосостоянія. Трудно рѣшить, въ какой сравнительной степени пострадали интересы того и другаго класса, но у насъ есть данныя которыя не указываютъ на неумѣнье дворянства примѣняться къ экономическимъ условіямъ. Несмотря на цѣлый рядъ финансо-

выхъ мѣръ какъ бы направленныхъ въ прямой подрывъ землевладѣнію, самыми гибельными изъ коихъ были прекращеніе государственнаго земельнаго кредита и акцизная система, уничтожившая сельско-хозяйственное винокуреніе и развратившая рабочее населеніе, несмотря на эти тяжелыя условія, дворянство сдѣлало относительно серіозные шаги къ улучшенію сельско-хозяйственной культуры. Къ этому заключенію мы можемъ придти путемъ сравненія земледѣльческаго хозяйства дворянъ съ состояніемъ этого хозяйства у крестьянъ и у новыхъ землевладѣльцевъ не принадлежащихъ къ дворянскому сословію, руководясь при этомъ общеизвѣстными фактами. Изъ свѣдѣній Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности видно что урожаи хлѣба въ помѣщичьихъ хозяйствахъ превышаютъ урожаи на крестьянскихъ земляхъ почти повсемѣстно на $^1/_3$. Фактъ этотъ несомнѣнно объясняется улучшенною обработкой почвы, примѣненіемъ сельско-хозяйственныхъ знаній и личною энергіей въ веденіи хозяйства. Всѣ старанія лжелиберальной печати доказать великую будущность крестьянскаго землевладѣнія имѣютъ значеніе лишь прекрасныхъ пожеланій. Небрежная обработка земли и отсутствіе удобренія являются характеристическими чертами крестьянскаго хозяйства. Что касается имѣній проданныхъ дворянами, то кому неизвѣстно печальное состояніе этихъ нѣкогда цвѣтущихъ хозяйствъ въ рукахъ новыхъ собственниковъ. Вырубленные лѣса и истощенныя почвы свидѣтельствуютъ о хищническихъ наклонностяхъ ихъ владѣльцевъ, которые строго говоря и не могутъ считаться землевладѣльцами. Земля составляетъ для нихъ предметъ случайной и побочной спекуляціи. Большинство новыхъ собственниковъ являются лишь временными держателями земли, съ цѣлью извлечь изъ нея всю цѣнность нисколько не заботясь о будущемъ. Интересы ихъ связаны не съ земледѣліемъ, а съ наживой вообще тамъ гдѣ представится къ этому случай. Тѣ же немногіе изъ нихъ кои рѣшаются сами вести хозяйство съ затратой собственнаго капитала, не имѣя практической опытности помѣстнаго дворянства, не могутъ справить-

ся съ тяжелыми условіями въ которыхъ находится сельско-хозяйственная промышленность, очень скоро охладѣваютъ къ непривычному и несвойственному имъ дѣлу и спѣшатъ съ нимъ покончить продажей имѣній.

Указанные факты заставляютъ насъ по меньшей мѣрѣ усомниться въ справедливости распространеннаго мнѣнія о неспособности дворянства справиться съ экономическими затрудненіями, вызванными отмѣной крѣпостнаго права.

Крѣпостное право было временнымъ спутникомъ помѣстной системы, но не было ея историческою основой. Мѣры стѣсненія крестьянскихъ переходовъ, какъ извѣстно, явились слѣдствіемъ недостатка въ рабочихъ рукахъ для веденія хозяйства на помѣстныхъ земляхъ, по причинѣ разброда сельскаго населенія въ концѣ XVI вѣка. Скученное въ тѣсныхъ предѣлахъ Московскаго Великаго Княжества, между Окой и Волгой, куда сельское населеніе стекалось въ XIV и XV вѣкахъ подъ защиту возвышавшейся власти преемниковъ Калиты, оно стало со второй половины XVI вѣка отливать на окраины государства, границы коего быстро раздвинулись на востокъ и югъ, по бассейнамъ Волги и Дона, очищаемые отъ кочевниковъ. Этотъ отливъ рабочаго населенія, усилившійся послѣ событій Смутнаго Времени и продолжавшійся въ теченіе всего XVII вѣка вызвалъ тяжелый сельско-хозяйственный кризисъ, для предотвращенія коего и былъ издаваемъ рядъ правительственныхъ указовъ, съ цѣлью стѣсненія крестьянскихъ передвиженій. Обстоятельства неблагопріятно сложившіяся для свободы крестьянъ въ XVII вѣкѣ привели къ крѣпостнымъ отношеніямъ сначала какъ къ факту, а затѣмъ какъ праву, со всѣми его тяжелыми послѣдствіями для податнаго населенія. Возникнувъ подъ давленіемъ экономическихъ условій, крѣпостное право просуществовало два столѣтія, и повидимому пережило причины вызвавшія его появленіе. Едва ли нужно сравнивать состояніе сельскаго хозяйства въ современной Россіи съ экономическимъ положеніемъ Московскаго государства въ XVII вѣкѣ для доказательства что нынѣшнее дворянство не нуждается для под-

держанія своего хозяйства въ тѣхъ мѣрахъ безъ которыхъ не могли обойтись служилые люди первыхъ царей Дома Романовыхъ. Несмотря на все разнообразіе мѣстныхъ условій въ которыхъ находится теперь частное землевладѣніе, едва ли отыщется такой уголъ въ Россіи который напоминалъ бы Московскую Русь послѣ Смутнаго Времени по количеству запустѣлыхъ деревень и по размѣрамъ брошенной тяглой земли. Современное землевладѣніе нуждается не въ мѣрахъ насильственной эксплуатаціи труда, а въ мѣрахъ для подъема благосостоянія крестьянъ, водворенія порядка въ сельскомъ управленіи и въ прекращеніи того гнета который наложенъ на него ошибочною финансовою политикой прошлаго царствованія.

Отмѣна крѣпостнаго права могла такимъ образомъ вызвать временныя экономическія затрудненія для землевладѣнія, но не могла быть причиной совершающагося на нашихъ глазахъ разрушенія дворянскаго сословія, что̀ заставляетъ насъ искать иныхъ основаній для объясненій этого факта.

Дворянство есть служилое землевладѣльческое сословіе. Таково было его историческое происхожденіе. Это значеніе сохраняетъ оно въ теченіе всей своей исторіи. Такова была основа его бытія до послѣдняго времени. Служба государству и владѣніе землей, являясь необходимыми условіями существованія дворянства, составляли понятія какъ бы нераздѣльныя. Службой пріобрѣталось право входа въ дворянское сословіе. Уклоненіемъ отъ службы утрачивались права дворянства. Владѣніе землей давало корпоративныя права и поддерживало корпоративныя связи. Дворянинъ продавшій имѣніе разрывалъ связи съ сословіемъ и обращался въ чиновника. Не служащій дворянинъ разрывалъ непосредственную связь съ государствомъ и обращался въ недоросля, кандидата къ исключенію изъ состава дворянства. Находясь въ единеніи съ правительствомъ при посредствѣ государственной службы и сохраняя тѣсную связь съ населеніемъ при посредствѣ землевладѣнія, являясь вмѣстѣ и государственнымъ и земскимъ сословіемъ, дворянство было связу-

ющимъ звеномъ между Верховною Властью и народомъ. Благодаря этимъ свойствамъ, оно представляло среду независимую по положенію, но солидарную какъ съ правительствомъ такъ и съ народомъ. Чуждое всякой исключительности и замкнутости, русское дворянство было открыто для входа въ него всѣмъ другимъ классамъ народа путемъ государственной службы. Возведеніемъ въ дворянское достоинство награждались и выдающіяся трудолюбіе и дарованіе вообще. Служебныя преимущества дворянства не могли быть при этихъ условіяхъ предметомъ зависти для остальной массы населенія. Пріобрѣсти почетное общественное положеніе вступленіемъ въ ряды дворянства было цѣлью всѣхъ лицъ выдвигавшихся изъ толпы своими способностями и личною энергіей. Сохраняя государственное значеніе, дворянство занимало почетное положеніе въ странѣ. Поддерживаемое сверху, оно пользовалось уваженіемъ снизу. Такимъ создала его исторія. При такихъ условіяхъ составляющихъ его сущность дворянство прожило, при нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ своей организаціи, до половины шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Соціальная нивеллировка начавшаяся съ земской реформы лишила дворянство всѣхъ служилыхъ правъ какъ по мѣстному, такъ и по государственному управленію. Утрата служебныхъ привилегій имѣла послѣдствіемъ ослабленіе связи дворянства съ правительствомъ, распаденіе дворянства какъ корпораціи и постепенное паденіе его авторитета среди населенія. Это ненормальное политическое положеніе отозвалось въ свою очередь неблагопріятно на дворянской земельной собственности.

Крупные землевладѣльцы со времени реформъ перестали посѣщать свои имѣнія и разорвали всѣ связи съ провинціей. Новый безсословный складъ уѣздной жизни не могъ удовлетворять этихъ лицъ, привыкшихъ къ почету. Этотъ разрядъ нашего высшаго сословія, болѣе богатый и знатный классъ русскаго дворянства въ настоящее время, не имѣетъ почти ничего общаго съ дворянствомъ провинціальнымъ и можетъ

считаться потеряннымъ для Россіи. Проживая то въ Петербургѣ, то за границей, онъ сдѣлался сословіемъ полупридворнымъ, полукосмополитическимъ. Родовыя вотчины имѣютъ въ глазахъ нашихъ крупныхъ землевладѣльцевъ цѣну лишь по доходамъ пересылаемымъ вотчинными конторами по заграничнымъ ихъ адресамъ. Образованные и болѣе даровитые представители среднепомѣстнаго дворянства рѣшавшіеся посвятить себя службѣ въ провинціи не могли свыкнуться съ тягостною и деморализующею обстановкой въ которой заключена земская дѣятельность, и послѣ нѣсколькихъ большею частію безуспѣшныхъ попытокъ примѣнить свои знанія и способности на пользу народа, бросали свои имѣнія и уходили на государственную службу. Большинство среднихъ помѣстныхъ дворянъ постаралось освоиться съ новымъ положеніемъ. Разжалованные реформами въ простыхъ землевладѣльцевъ, одни изъ нихъ съ нѣкоторымъ усиліемъ надъ собой превратились въ фермеровъ никуда не выѣзжающихъ изъ своихъ хуторовъ, другіе же стали принимать дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Благодаря образованію, служебной опытности и привычкѣ ко власти, они довольно долго сохраняли вліяніе на ходъ земскаго дѣла. Теперь въ большинствѣ уѣздовъ это вліяніе вытѣснено. Тамъ гдѣ оно сохранилось, дни его сочтены. Организація нашего земства не позволяетъ упрочиться вліянію того класса который привыкъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ правилами чести и служебнаго долга.

Земская дѣятельность много способствовала деморализаціи помѣстнаго дворянства. Эта земская дѣятельность поставила дворянъ въ ненормальное положеніе двойной зависимости отъ своего сословія и отъ безсословной среды. Между тѣмъ какъ зависимость отъ своего сословія имѣла характеръ лишь нравственной отвѣтственности, зависимость отъ безсословной среды выражалась болѣе существеннымъ образомъ, имѣла болѣе практическое значеніе для тѣхъ кто желалъ пріобрѣсти или сохранить должность по земскимъ выборамъ. Ставъ въ ряды земства, многіе дворяне порвали

нравственныя связи со своимъ сословіемъ, и стараясь приладиться ко вкусамъ безсословной толпы вполнѣ погрузились въ пучину земскихъ интригъ.

Вся внутренняя политика реформенной эпохи, которая можетъ быть названа противодворянскою, содѣйствовала паденію авторитета дворянства среди другихъ классовъ населенія. Пренебреженіе сверху не могло не повредить уваженію снизу. Не имѣя свойствъ политической аристократіи Западной Европы, являясь не оппозиціонною, а служебною силой Верховной Власти, русское дворянство не могло вполнѣ сохранить свое высшее положеніе въ странѣ вопреки авторитету этой власти. Видя что правительство выражаетъ открытое недовѣріе дворянству, новые элементы безсословной Россіи не замедлили съ нимъ вступить въ состязаніе изъ-за вліянія и власти. Успѣшно ведя борьбу на многихъ поприщахъ практической дѣятельности, эти новые люди, вчера объявившіеся на общественной аренѣ, не могли конкуррировать съ дворянствомъ лишь въ томъ чтѐ дается традиціями и условіями высшей культуры. Достигая матеріальнаго обезпеченія и стремясь пріобрѣсти общественное вліяніе при помощи пріемовъ усвоенныхъ въ низшемъ быту и большею частію въ нравственномъ отношеніи неблаговидныхъ, они не могутъ пріобрѣсть права на то уваженіе которымъ пользуются представители помѣстнаго дворянства. Сознаніе нравственнаго неравенства является источникомъ антагонизма. Въ людяхъ возвышающихся изъ толпы благодаря личной энергіи, смышлености, иногда недюжинныхъ дарованій, по свойствамъ человѣческой природы не можетъ не развиваться чувство зависти и недоброжелательности къ сословію которое, при отсутствіи привилегій по закону, сохраняетъ привилегію, по высотѣ нравственнаго уровня. Это враждебное чувство подогрѣваемое всѣмъ складомъ провинціальной жизни, усиливающееся годъ отъ году, ставитъ помѣстное дворянство въ весьма двусмысленное, ненормальное положеніе и заставляетъ лучшихъ его представителей нерѣдко отказываться ото всякой общественной дѣятельности.

Что касается крестьянскихъ массъ, то отношеніе ихъ къ дворянству иное. Историческая судьба связала эти два сословія такими крѣпкими нравственными узами разорвать которыя были безсильны реформы прошлаго царствованія. Помѣстное дворянство пользуется среди крестьянъ полнымъ довѣріемъ и глубокими симпатіями. Родовой помѣщикъ, въ силу историческихъ традицій, не можетъ относиться къ крестьянамъ исключительно со стороны коммерческихъ интересовъ. Онъ является ихъ ходатаемъ предъ властями, защитникомъ отъ притѣсненій кулаковъ и міроѣдовъ. Крестьяне всегда находятъ у него добрый совѣтъ и посильную матеріальную помощь. Образъ дѣйствій новыхъ землевладѣльцевъ изъ низшаго класса эксплуатирующихъ крестьянъ въ цѣляхъ одной наживы служитъ для крестьянъ убѣдительнымъ доказательствомъ нравственнаго превосходства ихъ бывшихъ владѣльцевъ. Характеристикой отношеній между дворянами и крестьянами можетъ служить тотъ фактъ что изъ многочисленныхъ властей нынѣшняго уѣзднаго управленія предводитель дворянства есть самый популярный человѣкъ среди крестьянъ.

Но противодворянская политика не могла не отразиться большими недоразумѣніями въ настроеніи крестьянскихъ массъ. Лишеніе служебныхъ привилегій не могло не смутить населеніе привыкшее въ дворянахъ видѣть царскихъ слугъ. Правительственная политика была понята крестьянами въ томъ смыслѣ что царь наказываетъ дворянъ за вражду къ нему и неповиновеніе его волѣ. Всѣ темные слухи ходящіе въ простомъ народѣ о переходѣ помѣщичьихъ земель къ крестьянамъ объясняются не столько невѣжествомъ этого народа обладающаго напротивъ большимъ здравымъ смысломъ, не столько вліяніемъ соціалистической пропаганды встрѣчающей въ немъ сильный отпоръ, сколько противодворянскою политикой правительства прошлаго царствованія.

Ненормальное соціальное положеніе дворянства оказало дурное вліяніе и на дворянское землевладѣніе. Лишившись правъ служебныхъ, дворянство перестаетъ дорожить и пра-

вомъ землевладѣнія. Земля утратившая всѣ преимущества предъ другими видами собственности потеряла значительную долю своей притягательной силы въ глазахъ сословія привыкшаго соединять со владѣніемъ землей понятіе о высшемъ общественномъ положеніи. Не давая владѣльцамъ выгодъ этого общественнаго положенія, земля представляетъ значительныя невыгоды, сравнительно съ другими видами собственности, по условіямъ жизни въ деревнѣ, среди сельскихъ безурядицъ, борьба съ которыми требуетъ не мало самоотверженія и мужества. Дворянство каждогодно теряетъ изъ среды своей массу лицъ продающихъ свои имѣнія единственно потому что доходъ съ капитала вырученнаго отъ продажи даетъ возможность промѣнять тяжелую обстановку деревенской жизни на болѣе покойную и удобную жизнь въ городахъ.

Такимъ образомъ, дворянская корпорація распалась на нѣсколько частей, однѣ изъ коихъ потеряны для нея безвозвратно, а другія сохраняютъ съ ней лишь формальную связь. При такихъ условіяхъ отъ дворянской корпораціи могли остаться только воспоминанія еслибы не уцѣлѣлъ институтъ предводителей дворянства, какимъ-то чудомъ не снесенный реформеннымъ ураганомъ. Лишенное всѣхъ служилыхъ и корпоративныхъ правъ, обѣднѣвшее своимъ численнымъ составомъ, помѣстное дворянство сохранило повинность каждое трехлѣтіе поставлять изъ своей среды безмездныхъ слугъ государству, которые несутъ тяжелый и неблагодарный трудъ по мѣстному управленію. Нельзя не признать что дворянство отправляетъ эту повинность добросовѣстно, и можетъ-быть именно этой повинности суждено будетъ спасти дворянство отъ совершеннаго разрушенія, помочь ему перенести тяжкій кризисъ и дожить до лучшаго. Но въ ожиданіи этого лучшаго будущаго, дворянство влачитъ по истинѣ жалкое существованіе. Обрѣзанное въ своихъ правахъ, обреченное торжествомъ безсословнаго начала на неминуемую смерть, оно утрачиваетъ мало-по-малу тѣ свойства которыя сдѣлали изъ него охрану Русскаго государства и

опору Престола. Если эти свойства не утрачены вполнѣ, если достаточно было нѣсколько словъ довѣрія сверху для подъема сословной жизни, то это объсняется трудностію умертвить историческую силу даже самымъ сильно дѣйствующимъ ядовитымъ средствомъ.

VI.

Какъ сословіе высшее, значеніе котораго опредѣлялось непосредственнымъ участіемъ въ отправленіяхъ государственной жизни, дворянство должно было пострадать отъ соціальной нивеллировки въ значительно большей степени нежели другія сословія; но реформы имѣвшія цѣлью сгладить всѣ историческія неровности, уничтожить всѣ особенности образовавшіяся въ различныхъ классахъ Русскаго народа путемъ органическимъ, не могли не оказать разлагающаго вліянія и на бытъ остальныхъ сословій.

Мы уже говорили о вліяніи Городоваго Положенія на состояніе городскихъ классовъ. Считаемъ нужнымъ указать на одну частность въ этомъ законѣ, которая характеризуетъ отношенія законодателя къ правамъ историческимъ и къ интересамъ сословнымъ. Большинство нашихъ городовъ, являясь центрами административнаго управленія, не имѣютъ никакого торгово-промышленнаго значенія. Населеніе такихъ городовъ состоитъ кромѣ чиновниковъ, изъ десятка торговцевъ и массы мѣщанъ, потомковъ ямщиковъ, стрѣльцовъ, казаковъ и другихъ низшаго разряда служилыхъ людей, приписанныхъ когда-то къ городамъ для отбыванія сторожевой службы и другихъ обязанностей. Живя въ такъ-называемыхъ слободахъ, составляя отдѣльныя общества съ мірскимъ управленіемъ ничѣмъ не отличающимся отъ крестьянскаго, мѣщане занимались исключительно хлѣбопашествомъ на государственныхъ земляхъ отведенныхъ въ ихъ пользованіе. Городовое Положеніе отстранило государство отъ права собственности на эти земли и передало ихъ городамъ. Городскія думы сдаютъ теперь всѣ земли съ торговъ, и мѣщане оказались

лишенными права коимъ они пользовались въ теченіе столѣтій и которое служило не только обезпеченіемъ ихъ благосостоянія, но и единственнымъ источникомъ пропитанія.

Положеніе 19 февраля дало крестьянамъ сословную организацію или, лучше сказать, оно утвердило закономъ тотъ своеобразный сословный бытъ который сложился у крестьянъ въ теченіе вѣковъ. Этотъ сословный бытъ держался силою власти семейной и мірской, которыя руководились въ своихъ дѣйствіяхъ обычнымъ правомъ, совершенно отличнымъ отъ нашего писаннаго законодательства. Хотя послѣдующими преобразованіями сословная организація крестьянскаго управленія не была отмѣнена, но судебная и земская реформы не замедлили проявить на крестьянъ давленіе въ смыслѣ ослабленія началъ на коихъ держался ихъ бытъ.

Окружные суды и мировые судьи, руководившіеся при разборѣ крестьянскихъ дѣлъ превышающихъ сторублевую подсудность волостныхъ судовъ, общими законами парализовали обычное крестьянское право. Рѣшеніе споровъ о наслѣдствѣ и о раздѣлахъ семейнаго имущества по правиламъ X т. Зак. Гражд., идущимъ въ разрѣзъ съ понятіями крестьянъ, принятіе мировыми судьями жалобъ младшихъ членовъ крестьянской семьи на домохозяевъ и женъ на мужей, развитіе сельской адвокатуры, этой истинной язвы деревенскаго быта, которая явилась какъ необходимое дополненіе къ судебной реформѣ, все это внесло сильную смуту въ правовыя воззрѣнія крестьянъ, деморализацію въ ихъ бытъ, и значительно ослабило авторитетъ семейной и мірской власти.

Земскія учрежденія, по характеру прямыхъ своихъ обязанностей, не могли имѣть непосредственнаго вліянія на бытовую сторону крестьянскаго сословія. Органы нашего самоуправленія, какъ извѣстно, среди крестьянъ совсѣмъ не популярны и даже мало извѣстны. Но земство оказало громадное вліяніе на бытъ народа при посредствѣ народныхъ школъ, распространеніе коихъ земство приняло подъ свое особое покровительство. Хотя въ семидесятыхъ годахъ школы и были изъяты изъ непосредственнаго вѣдѣнія земства, но школь-

ная система созданная при главномъ его участіи остается до сихъ поръ безъ измѣненія. Не входя въ разборъ недостатковъ этой системы, мы считаемъ нужнымъ указать на одно обстоятельство едва ли подлежащее спору. Наши народные педагоги задались цѣлью расширять умственный кругозоръ крестьянскихъ дѣтей сообщеніемъ имъ массы элементарныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, оставляя ничтожное число часовъ для обученія правиламъ вѣры. Предпочтеніе энциклопедическихъ свѣдѣній заботамъ о подъемѣ нравственно-религіознаго міровоззрѣнія не могло не повліять на образъ мыслей воспитанниковъ школъ. Наша школьная система почти обязываетъ учителя указывать ученикамъ на превосходство умственнаго развитія предо всѣми другими основами жизни. Какой самый добросовѣстный народный педагогъ можетъ удержаться отъ сравненія своихъ учениковъ, которымъ онъ разказалъ объ электричествѣ или о вращеніи земли, съ невѣжественными людьми ихъ среды, объясняющими всѣ явленія природы дѣйствіемъ небесныхъ силъ? Тринадцатилѣтніе мальчики выходятъ изъ нашихъ школъ съ непрочнымъ знаніемъ письма и чтенія, но съ фальшивымъ мнѣніемъ, своего громаднаго умственнаго превосходства надъ своими родителями. Земскія школы, за двадцать лѣтъ своего существованія мало распространили грамотность, но сильно подорвали авторитетъ родительской власти. Крестьянская молодежь не уважающая родителей не уважаетъ и мірской власти. Въ числѣ молодыхъ горлановъ, безчинствующихъ на сельскихъ сходахъ и вытѣснившихъ вліяніе стариковъ, не мало насчитывается воспитанниковъ нашихъ народныхъ школъ.

Упраздненіе мировыхъ посредниковъ причинило большой вредъ сословному крестьянскому управленію. Мірское устройство, общинное землевладѣніе, особый порядокъ правовыхъ отношеній, словомъ, весь своеобразный складъ крестьянской жизни выработавшійся обычаемъ, но не имѣвшій писанныхъ уставовъ, признававшійся государствомъ какъ фактъ, но развивавшійся внѣ государственной регламентаціи,—для правильнаго, послѣ освобожденія крестьянъ, своего хода

нуждался въ особомъ органѣ управленія который, удовлетворяя многочисленнымъ нуждамъ сословно-крестьянской жизни, являлся бы вмѣстѣ и представителемъ и защитникомъ этихъ нуждъ предъ государственною властію. Институтъ мировыхъ посредниковъ и явился именно такимъ спеціальнымъ органомъ крестьянскаго управленія въ которомъ счастливо соединялись всѣ условія для правильнаго хода крестьянской жизни. Выбранные изъ помѣстныхъ дворянъ, хорошо знакомыхъ со своеобразнымъ бытомъ крестьянъ, мировые посредники имѣли ту долю самостоятельности которая позволяла имъ быть авторитетными представителями крестьянскихъ интересовъ. По упраздненіи мировыхъ посредниковъ, крестьяне, оставленные безо всякаго руководства, лишенные законной защиты, стали подпадать вліянію адвокатовъ, писарей, кабачниковъ и другихъ цивилизаторовъ нашей деревни. Сословный бытъ и управленіе стали подвергаться постепенной порчѣ. Сельская безурядица сдѣлалась предметомъ всеобщаго вниманія и подала поводъ къ возбужденію извѣстнаго вопроса о преобразованіи крестьянскаго управленія.

Несмотря однако на всѣ некрасивыя явленія въ современной крестьянской жизни, крестьяне, какъ сословіе, пострадали меньше другихъ. Между тѣмъ какъ дворяне и городскія сословія растворяются довольно быстро въ массѣ безформеннаго общества, крестьяне сохраняютъ самобытность. Объясненіе этого факта заключается не столько въ большей устойчивости крестьянскаго быта сколько въ томъ что реформы земская, городская и судебная, разрушая бытъ помѣстнаго дворянства и городскихъ сословій непосредственно, могли оказывать разлагающее вліяніе на бытъ крестьянъ лишь путемъ косвеннымъ. Историческія основы сословно-крестьянской жизни остаются не тронуты. Законодательная власть щадитъ до сихъ поръ самобытныя формы этой жизни и не рѣшается подчинить крестьянъ общему порядку управленія, созданному либеральными преобразованіями.

Особая сословная организація крестьянъ, относительно мало расшатанная реформами прошлаго царствованія, даетъ

имъ значительный перевѣсъ надъ другими классами народа. Въ нихъ много жизненности, способности къ самозащитѣ, много здраваго смысла не затемненнаго идеями всеобщаго равенства. Они безусловно преданы Верховной Власти и всѣмъ историческимъ преданіямъ. Благодаря этимъ свойствамъ крестьяне въ послѣднее время сдѣлались предметомъ вниманія и заботъ всей мыслящей Россіи, которая смотритъ на нихъ какъ на единственную опору государства, какъ на послѣднюю надежду спасенія. Большинство органовъ нашей печати сотворившее себѣ кумиръ изъ крестьянъ поклоняются этому кумиру безотчетно и слѣпо, и очень немногіе изъ нихъ понимаютъ что истинное значеніе крестьянъ состоитъ въ ихъ сословной организаціи, достаточно крѣпкой для обороны отъ вторженія въ крестьянскую среду элементовъ обезличенной Россіи. Это сословная организація, уцѣлѣвшая среди полуразрушенныхъ бытовыхъ союзовъ, помогла крестьянамъ сохранить свое историческое значеніе. Если крестьянское сословіе не можетъ сдѣлаться активною опорой правительства для поддержанія порядка и для устройства государственнаго быта, оно является тѣмъ не менѣе неисчерпаемымъ хранилищемъ здраваго смысла и истиннаго патріотизма.

VII.

Одновременно съ постепеннымъ разрушеніемъ сословій народилось и стало очень быстро разрастаться безсословное общество недавно получившее названіе *интеллигенціи*. Подъ этимъ именемъ обыкновенно разумѣютъ культурный слой, который, возвышаясь надъ народомъ уровнемъ умственнаго развитія, является представителемъ интересовъ, выразителемъ мнѣній и истолкователемъ чувствъ и желаній народа. Во избѣжаніе недоразумѣній, это опредѣленіе необходимо дополнить слѣдующимъ поясненіемъ: такъ какъ народъ не есть только механическое сочетаніе единицъ, а совокупность живыхъ органическихъ союзовъ, бытовыхъ группъ, историческихъ сословій, то и культурный слой не есть элементъ одно-

родный, способный представлять интересы всей массы народа; онъ можетъ быть представителемъ лишь извѣстныхъ общественныхъ союзовъ. Такой культурный слой обыкновенно увеличивается по мѣрѣ развитія потребностей въ трудѣ умственномъ и представляетъ отрадное явленіе, ибо указываетъ на подъемъ цивилизаціи.

Современная Россія имѣетъ дѣло съ явленіемъ не имѣющимъ ничего общаго съ такимъ нормальнымъ развитіемъ культурнаго класса. Насъ не можетъ не поражать фактъ очень быстраго увеличенія нашей интеллигенціи, очевидно не находящагося въ соотвѣтствіи съ потребностями населенія, и совершеннаго отчужденія этой интеллигенціи отъ народа. На фактъ этотъ давно уже обращено вниманіе, но объясненіе этого печальнаго явленія будетъ всегда возбуждать очень много недоумѣній если мы не поставимъ его въ связь съ сословнымъ вопросомъ.

Когда подъ вліяніемъ реформъ остановилась сословная жизнь, въ членахъ сословій явилось очень понятное стремленіе къ выходу изъ положенія неопредѣленнаго, неустойчиваго, не имѣющаго будущности. Уничтоженіе сословныхъ привилегій, идея общаго равенства, легкій доступъ къ пользованію правами государственной службы, не могли не усиливать это стремленіе изъ сферы практической сословной жизни въ сферу интеллектуальнаго броженія, случайнаго труда, погони за доходными мѣстами и выгодными профессіями, въ сферу другихъ предпріятій и властолюбивыхъ политическихъ мечтаній. Расшатанныя сословія начинаютъ выбрасывать изъ своей среды массу лицъ въ безсословную среду *интеллигенціи*. Въ это понятіе входитъ все то что находится внѣ сословнаго быта. Это есть то безформенное общество которое наполняетъ собою всѣ щели образовавшіяся въ народномъ организмѣ въ эпоху реформъ и которое теперь лежитъ довольно толстымъ пластомъ вверху Россіи.

Мы напрасно будемъ разыскивать въ этомъ безформенномъ обществѣ признаки тѣхъ положительныхъ свойствъ которыя характеризуютъ сословный бытъ. Но мы безъ труда

найдемъ здѣсь черты бросающіяся въ глаза своими отрицательными сторонами.

Отличительная и общепризнанная черта нашего интеллигентнаго класса есть безпочвенность, отчужденность отъ народа. Представители этого класса, отрываясь отъ сословнаго быта, очень скоро утрачиваютъ всѣ особенности этого быта. Какъ русскій помѣщикъ продавшій имѣніе и переселившійся на постоянное жительство въ столицу, какъ сынъ священника вышедшій изъ духовнаго званія и состоящій сотрудникомъ газеты, такъ и крестьянинъ получившій дипломъ при помощи общественной благотворительности, одинаково свысока смотрятъ на среду нѣкогда имъ родную, изъ которой они вырваны ходомъ реформенной эпохи.

Питаясь книжными доктринами, они скоро теряютъ всякое уваженіе къ дѣйствительной жизни и перестаютъ понимать интересы и чувства сословій съ которыми связи ихъ порваны. Облекаясь во фракъ или блузу, они съ презрѣніемъ смотрятъ и на мужицкій зипунъ, и на священническую рясу, и на дворянскій мундиръ.

Утрачивая всѣ сословно-бытовыя особенности, русскій человѣкъ утрачиваетъ и всѣ національныя черты.

Русскихъ гражданъ у насъ воспитываетъ сословный бытъ. Только на сословной почвѣ живутъ люди съ русскимъ чувствомъ, крѣпко связанные съ великимъ прошлымъ нашего отечества и глубоко вѣрующіе въ будущее его величіе. При переходѣ чрезъ мостъ отдѣляющій сословный бытъ отъ безсословной среды, русскій человѣкъ разбрасываетъ весь нравственный и политическій багажъ нажитый трудами поколѣній и дѣлается гражданиномъ какого-то отвлеченнаго государства. Любовь къ отечеству и преданность престолу, являясь необходимымъ условіемъ сословной жизни, если не отсутствуютъ вполнѣ, то составляютъ лишь случайный и ничтожный элементъ въ жизни безсословной *интеллигенціи*.

Относясь враждебно къ народу, *интеллигенція* относится враждебно и къ нашему историческому государственному строю. Мы были свидѣтелями, какъ быстро распространи-

лись анархическія ученія, какъ Россія покрылась цѣлою сѣтью революціонныхъ шаекъ, какъ правительство, по поводу злодѣяній подпольной крамолы, дѣлало воззваніе къ безсословной Россіи и получало въ отвѣтъ холодное выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ и полное равнодушіе къ затрудненіямъ въ которыхъ оно находилось. Можемъ ли сомнѣваться въ томъ какая среда воспитала и воспитываетъ элементы крамолы? Есть ли мѣсто недоумѣнію относительно патріотизма нашей безсословной *интеллигенціи* послѣ корыстныхъ совѣтовъ—отказаться отъ принципа исторической власти, которые она давала правительству въ минуты тяжкихъ для него испытаній?

Реформы прошлаго царствованія сдвинули Россію съ сословной почвы, но не могли дать взамѣнъ никакого иного начала. Безсословность есть начало отрицательное и, какъ таковое, не могло стать основою жизни. Народъ прожившій цѣлый рядъ столѣтій въ сословной организаціи и лишенный этой организаціи однимъ предписаніемъ закона не могъ не придти въ состояніе соціальнаго броженія. Со времени реформъ направленныхъ къ разрушенію сословій, явилось болѣзненное чувство тягости жизни и общее недовольство. Безсословное общество не можетъ не сознавать что оно стоитъ на колеблющейся зыбкой почвѣ. Являясь средой состоящею изъ механическаго сочетанія единицъ, изъ коихъ каждая предоставлена своимъ личнымъ силамъ, безсословное общество не можетъ не сознавать своей зависимости отъ случая, который является распорядителемъ судьбы современнаго человѣка. Сознаніе этой зависимости есть источникъ нравственныхъ страданій. Не имѣя само прочнаго общественнаго положенія, безсословное общество не имѣетъ возможности обезпечить положеніе будущихъ поколѣній. Неизвѣстность судьбы дѣтей есть гнетущій вопросъ для нашей *интеллигенціи*.

Въ этомъ непрочномъ, неустойчивомъ положеніи безсосословной среды мы склонны искать объясненіе той страсти къ наживѣ которая охватила русское общество со времени

реформъ прошлаго царствованія. Деньги сдѣлались единственною притягательною силой. Лишенные нравственной опоры и поддержки бытовыхъ союзовъ, безсословные люди только въ деньгахъ стали видѣть средство пріобрѣсть общественное положеніе, утраченное съ разрушеніемъ сословныхъ связей. Разбогатѣть сдѣлалось такою цѣлью жизни для которой приносились всякія жертвы, ради которой стали дозволенными всѣ средства. Добываніе денегъ при помощи преступленій сдѣлалось явленіемъ повседневнымъ, а безсословная Россія, въ лицѣ института безсословныхъ присяжныхъ, весьма не двумысленно признала это явленіе вполнѣ нормальнымъ.

Въ неустойчивомъ положеніи безсословнаго общества слѣдуетъ также искать главную причину современнаго политическаго броженія.

Можемъ ли винить нашу *интиллегенцію* въ томъ что, потерявъ сословную почву, она ищетъ какого-нибудь исхода и готова подвергнуть Россію всевозможнымъ политическимъ экспериментамъ, съ цѣлію добиться для себя болѣе прочнаго соціальнаго положенія.

VIII.

До сихъ поръ мы дѣлали выводы о значеніи сословій въ государственной жизни изъ наблюденій надъ явленіями современной дѣйствительности. Изслѣдованіе этихъ явленій привело насъ къ заключенію что основная причина соціальнаго разстройства Россіи кроется въ томъ что большинство реформъ прошлаго царствованія были проникнуты отрицаніемъ сословнаго начала. Это отрицаніе было такимъ насиліемъ надъ жизнію противъ котораго народный организмъ не могъ не протестовать, и протестъ его выразился въ цѣломъ рядѣ болѣзненныхъ явленій. Какъ бы однако мы ни были глубоко убѣждены въ вѣрности высказаннаго заключенія, мы не будемъ свободны отъ упрека въ пристрастномъ взглядѣ на современныя событія, если не сдѣлаемъ попытки провѣрить наше заключеніе историческими данными. Для

полноты очерка мы считаемъ нужнымъ, хотя въ общихъ и краткихъ чертахъ, указать на значеніе сословій въ историческихъ судьбахъ Русскаго народа.

Въ отличіе отъ политическаго строя государствъ Западной Европы·который развивался подъ вліяніемъ взаимной борьбы общественныхъ элементовъ, Русь складывалась въ крѣпкій государственный организмъ подъ вліяніемъ борьбы со внѣшнимъ врагомъ. Великая цѣль освобожденія изъ-подъ иновѣрнаго и иноземнаго ига, поставленная Москвой потребовала напряженія и дружной работы всѣхъ общественныхъ силъ страны. Достиженіе политической самостоятельности въ борьбѣ съ «бесерменствомъ и латинствомъ» поглотило всѣ интересы народа, всѣ заботы власти. Подъ вліяніемъ этой главной цѣли складывается своеобразный государственный бытъ Московской Руси. Москва дѣлается военнымъ лагеремъ, подъ защиту котораго собираются всѣ разбросанныя и разъединенныя части Русскаго народа и откуда идутъ всѣ распоряженія объ оборонѣ и укрѣпленіи страны. Успѣхъ дѣла освобожденія требовалъ сильной единичной власти военачальника, а также организаціи всѣхъ народныхъ силъ для защиты государства и приспособленія ихъ для борьбы съ грозными внѣшними врагами. При такихъ условіяхъ возникаетъ, растетъ и крѣпнетъ самодержавная власть Московскихъ государей, и одновременно рядомъ съ нею складываются русскія сословія и крѣпнетъ ихъ сословная организація. Развиваясь подъ покровомъ самодержавной власти, сословія являются по отношенію къ ней служебными силами.

Въ XV вѣкѣ Московскіе князья создаютъ раздачей земельныхъ участковъ во временное владѣніе за службу многочисленный вооруженный классъ, вполнѣ отъ нихъ зависящій и безусловно преданный. Служило-помѣстное сословіе явилось тою внутреннею силой Московскаго государства которая помогла ему собрать всю Русскую землю и закрѣпить всѣ ея части неразрывными узами съ Москвой. Вопросъ о содержаніи войсковой массы, при бѣдности государственной казны, сдѣлался вопросомъ первостепенной важности. Въ

связи съ развитіемъ помѣстной системы и подъ вліяніемъ потребностей служилаго класса складывается бытъ нашего земледѣльческаго крестьянскаго сословія. Подъ давленіемъ постоянной нужды въ деньгахъ, правительство прикрѣпляетъ городское населеніе къ городамъ, съ цѣлью получать постоянный доходъ съ опредѣленнаго числа тяголъ, и организуется сословіе посадскихъ тяглыхъ людей. Старѣйшія сословія, явившіяся на историческую сцену значительно ранѣе возникновенія московскаго единодержавія, духовенство и бояре должны были примѣняться къ новымъ условіямъ. Положеніе самодержавія, какъ средоточія всѣхъ народныхъ силъ, исключало возможность соперничества. Всѣ сословія обязаны были тянуть государственное тягло. Отличаясь другъ отъ друга свойствами тягла, родомъ службы и повинностей, сословія были равны лишь по отношенію къ царской власти, сдѣлавшись покорными ея орудіями. Между царскою властью и сословіями образуется тѣсная связь, является полная солидарность и взаимное довѣріе. Защиту своихъ интересовъ и удовлетвореніе своихъ нуждъ сословія видятъ только въ самодержавіи, которое, въ свою очередь, находитъ въ нихъ опору во всѣ трудные моменты исторической жизни. Власть была свободна въ выборѣ средствъ для государственныхъ цѣлей, для удовлетворенія общенародныхъ потребностей. Во имя этихъ потребностей она нерѣдко щедро удовлетворяла нужды однихъ сословій въ ущербъ другимъ. Но такой образъ дѣйствій власти никогда не вызывалъ замѣшательствъ въ ходѣ государственной жизни. Сословіе коего интересы были подавлены спокойно и терпѣливо переносило историческія невзгоды, зная что онѣ лишь временныя, и не переставало видѣть въ самодержавной власти защиту и спасеніе ото всѣхъ золъ. Въ долгой и упорной борьбѣ складывается крѣпкій государственный организмъ, основой которому служитъ связь между самодержавною властью и сословіями. Въ самодержавной власти воплощаются разумъ и воля народа. Сословія становятся частями народнаго тѣла отъ нормальной дѣятельности коихъ зависитъ здоровье организма. Яв-

ляется величественное зданіе построенное на прочномъ сословномъ фундаментѣ и увѣнчанное могучею вершиной — царскою властью. Устанавливается строго дисциплинарный порядокъ государственнаго управленія. Вырабатывается своеобразная конституція нашей страны, устойчивость которой держится на вѣковомъ государственномъ обычаѣ.

Эта конституція, въ противуположность конституціямъ западныхъ государствъ, не позволяла въ нашемъ отечествѣ развиваться никакимъ элементамъ политической розни. Всѣ зачатки общественныхъ силъ претендовавшихъ на состязаніе съ самодержавіемъ были подавлены.

Весь общественный бытъ древней Руси покоился на строгомъ сословномъ началѣ. Каждый гражданинъ Московскаго государства непремѣнно состоялъ въ какомъ-нибудь чинѣ, принадлежалъ къ извѣстному сословію обязанному отбывать то или другое государственное тягло. Русскій народъ распредѣленный на извѣстное число государственныхъ чиновъ, со строгимъ различіемъ въ правахъ и повинностяхъ, и есть та «вся земля» по выраженію нашихъ лѣтописцевъ, то историческое земство, къ основамъ котораго теперь такъ любятъ взывать политическіе мыслители мечтающіе, въ явное противорѣчіе съ исторіей, утвердить современный политическій строй Россіи на торжествѣ безсословнаго начала. Сословная организація, по понятіямъ древне-русскаго человѣка, была залогомъ порядка и спокойствія въ странѣ. Это убѣжденіе составилось у древне-русскаго человѣка не путемъ размышленія, оно было вынесено имъ изъ опыта жизни. Смутное время начала XVII вѣка раскрыло русскимъ людямъ чего они могутъ ждать отъ безсословнаго начала.

Россія складывалась въ государственный организмъ цѣной большихъ жертвъ со стороны народа. Всѣ сословія были закрѣпощены государству; несмотря на долгую суровую школу въ которой воспитывался подданный московскихъ государей, нести государственное тягло было ему нелегко. Находились люди желавшіе избавиться отъ этого тягла, не хотѣвшіе принадлежать ни къ какому сословію, склонные къ

вольной бродячей жизни, стремившіеся жить чужими трудами. При обычномъ ходѣ дѣлъ власть успѣшно боролась съ этимъ противообщественнымъ элементомъ внутри страны. Всѣ эти бездомные гулящіе люди, разрывавшіе связи съ землей, должны были уходить въ степь, на окраины государства. Но когда пала самая власть и началась смута, всѣ эти бродячіе элементы тотчасъ пристали къ Полякамъ ворвавшимся въ предѣлы государства, и превзошли ихъ упорствомъ и жестокостію въ борьбѣ съ государственнымъ строемъ Россіи.

Явились два царя и Россія раздвоилась.

Всѣ недовольные, враждебные порядку, собирались подъ знамя Тушинскаго царя лже-Димитрія объявившаго войну сословному началу. Остатки земскихъ элементовъ группировались подъ знаменемъ несчастнаго и нелюбимаго боярскаго царя, Шуйскаго. Для людей честолюбивыхъ открылась легкая возможность сдѣлать карьеру, быстро подняться снизу вверхъ. Къ Тушинскому вору стали стекаться люди разнаго происхожденія. Крестьянинъ шелъ къ самозванцу чтобы стать помѣщикомъ, торговый человѣкъ чтобы сдѣлаться приказнымъ человѣкомъ, подъячій чтобы сдѣлаться думнымъ дворяниномъ; наконецъ, люди родовитые, но не надѣявшіеся по разнымъ причинамъ когда-либо достичь боярства въ Москвѣ, шли за полученіемъ его въ Тушино. Всѣ эти люди относились съ пренебреженіемъ къ установившемуся складу понятій и не имѣли никакихъ нравственныхъ правилъ. Это были своего рода либералы начала XVII вѣка, выставлявшіе принципъ личной свободы и личныхъ заслугъ въ противоположность началу сословному, требовавшіе такихъ политическихъ правъ какихъ прежде не бывало въ Московскомъ государствѣ, но дѣйствовавшіе всегда ради корыстныхъ и эгоистическихъ цѣлей. Типическимъ представителемъ этихъ либераловъ смутной эпохи является торговый мужикъ, московскій кожевникъ, Ѳедька Андроновъ, получившій отъ Тушинскаго вора званіе думнаго дворянина, который, ведя переговоры съ Польскимъ королемъ о воцареніи Владислава

хлопоталъ о политическихъ вольностяхъ и о возвышеніи худородныхъ людей. Этотъ Андроновъ присягнулъ затѣмъ Сигизмунду, и назначенный имъ за вѣрную службу польскому дѣлу хранителемъ Московской государственной казны, расхитилъ сокровища скопленныя Московскими царями.

Противъ этихъ людей творившихъ и поддерживавшихъ смуту ради корысти, противъ этихъ воровскихъ людей, въ защиту историческихъ основъ жизни встали земскіе люди. Это были люди твердаго образа мыслей, не желавшіе никакой перемѣны, никакой новизны, выставившіе на своемъ знамени возвращеніе къ строгой сословной организаціи, подъ защитой самодержавнаго царя избраннаго по совѣту всѣхъ чиновъ Русской земли. Лучшимъ типическимъ представителемъ земскихъ людей въ смутную эпоху былъ князь Пожарскій. Сдѣлавшись народнымъ вождемъ, освободителемъ отечества, онъ не ставитъ этого себѣ въ заслугу. Указавъ въ разговорѣ съ новгородскими послами на князя Голицына находившагося въ плѣну у Поляковъ, онъ сказалъ: «еслибы теперь такой столбъ князь Василій Васильевичъ былъ здѣсь, то за него бы всѣ держались, и я за такое великое дѣло мимо его не принялся бы, а то теперь меня къ такому дѣлу силой приневолили.» Когда земское дѣло потребовало совмѣстныхъ распоряженій начальниковъ двухъ ополченій стоявшихъ подъ Москвой, Пожарскій уступаетъ первенство Трубецкому, запятнанному службой Тушинскому царю, но болѣе родовитому. Тотъ же Пожарскій, выдвинутый историческими событіями на первое мѣсто, въ дѣлахъ избирательнаго собора 1613 года подписывается семнадцатымъ подъ грамотой объ избраніи царя Михаила.

Если въ событіяхъ смутнаго времени мы видимъ борьбу земства съ противообщественнымъ элементомъ, то въ тѣхъ же событіяхъ мы не можемъ не видѣть борьбы сословнаго начала съ безсословнымъ. Если наше историческое земство тождественно съ сословною организаціей, то въ анархическихъ элементахъ проявившихся въ смутную эпоху не трудно распознать присутствіе безсословнаго принципа. Говоря

о Нижегородскомъ ополченіи 1612 года лѣтописцы называютъ его то земскою, то дворянскою ратью и противополагаютъ его казакамъ, которые были представителями безсословнаго начала и составляли главную военную силу разношерстной безсословной Россіи.

Съ воцареніемъ Михаила водворяется понемногу порядокъ и возстановляется земско-сословная организація. Смута однако не могла скоро окончиться. Дурныя страсти долго не успокоивались. Нужна была строгая дисциплина для подавленія всѣхъ остатковъ противообщественныхъ элементовъ. Нужно было искоренить опасную для государства привычку къ вольной, бродячей жизни. Страна была и бѣдна, и разорена. Потребовалось много усилій со стороны правительства и народа для защиты и укрѣпленія расшатаннаго государственнаго зданія. Первые цари Дома Романовыхъ нуждались въ постоянномъ содѣйствіи земскихъ охранительныхъ силъ, и это содѣйствіе явилось въ формѣ земскихъ соборовъ. Въ теченіе всего XVII вѣка идетъ дружная земско-правительственная работа по приведенію въ порядокъ отношеній между общественными классами. Исторія земскихъ соборовъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія реорганизаціи потрясеннаго государства на строгомъ земско-сословномъ началѣ.

Вопросъ о земскихъ соборахъ не перестаетъ занимать взволнованные умы нашего времени, которые, усматривая смуту въ переживаемыхъ нами событіяхъ, надѣются водворить порядокъ въ странѣ при посредствѣ земскихъ соборовъ. Но большинство сторонниковъ этой идеи, по странному, неразъяснимому недоразумѣнію, принадлежатъ къ тому лагерю который благоговѣетъ предъ принципомъ безсословности и поклоняется реформамъ лишившимъ Россію земско-сословной организаціи. Указывая на представительство отъ безсословнаго земства какъ на опору порядка, наши либеральные мыслители забываютъ что безсословный элементъ въ Россіи былъ всегда источникомъ смутъ. Царю Михаилу было естественно искать опору въ соборѣ преданныхъ ему земскихъ чиновъ, но немыслимо требовать отъ современнаго

правительства довѣрія къ собору избранному отъ оппозиціоннаго безсословнаго земства.

Между состояніемъ Россіи въ смутную эпоху и современнымъ положеніемъ есть много сходнаго. Та же шаткость въ умахъ и общественная рознь, то же пренебреженіе къ нравственнымъ основамъ жизни, та же разнузданность корыстныхъ и властолюбивыхъ инстинктовъ.

Вдумываясь внимательно въ эти явленія общія обѣимъ эпохамъ, мы замѣтимъ что это лишь симптомы болѣзни, лишь послѣдствія болѣе глубокаго пораженія, полнаго разстройства сословій, которое въ свою очередь находится въ тѣсной связи съ паденіемъ авторитета верховной власти. Различіе между тою и другою эпохой состоитъ лишь въ томъ что въ началѣ XVII вѣка разстройство общественныхъ союзовъ, сопровождавшееся бурными проявленіями смуты, явилось какъ послѣдствіе паденія самодержавной власти, а во второй половинѣ XIX вѣка смута явилась потому что цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ привелъ въ полное разстройство общественную организацію, и паденіе авторитета власти было уже результатомъ упадка сословнаго начала. Современная мысль склонна искать выхода изъ окружающей насъ смуты въ подражаніи формамъ древне-русской жизни. Мы думаемъ что насъ не спасетъ историческая форма въ которой будетъ отсутствовать историческая жизнь. Если мы хотимъ пользоваться уроками исторіи, то должны, вмѣсто созданія новыхъ органовъ управленія, скрѣпить разрушающіеся бытовые союзы и установить правильныя, согласныя съ духомъ нашей исторіи, отношенія верховной власти къ сословіямъ и сословій между собой.

Къ концу XVII вѣка Россія является государствомъ обладавшимъ всѣми условіями для развитія политическаго могущества. Самодержавная власть достигла высшаго авторитета и свободы дѣйствій послѣ того какъ боярство растворилось въ массѣ служило-помѣстнаго сословія, утративъ съ уничтоженіемъ мѣстничества послѣдній признакъ политическаго аристократизма. Сосредоточенность власти давала возмож-

ность безъ труда приводить въ движеніе сложный правительственный механизмъ, направляя всѣ силы страны къ опредѣленнымъ государственнымъ цѣлямъ. Общественные классы, политически отлично дисциплинованные, являлись превосходными служебными силами въ рукахъ центральной власти. Обширная территорія находилась въ періодѣ дальнѣйшаго расширенія своихъ естественныхъ границъ при помощи систематически производившейся колонизаціи. Слабыя стороны этого во многихъ отношеніяхъ величественнаго политическаго порядка древней Россіи заключались въ національной замкнутости, въ неподвижности политическихъ формъ и въ чрезмѣрномъ поклоненіи обрядовой сторонѣ жизни. Эти слабыя стороны давно давали себя чувствовать при столкновеніяхъ съ государствами которыя были богаче знаніями и матеріальными средствами. Продолжительныя неудачи испытанныя Россіей въ борьбѣ съ западными сосѣдями постепенно подготовляли почву для внутреннихъ преобразованій, которыя въ послѣдней половинѣ XVII вѣка имѣли значеніе робкихъ, далеко не соотвѣтствовавшихъ потребностямъ времени попытокъ, и лишь въ началѣ XVIII вѣка, подъ рукой Великаго Петра, преобразованія приняли такіе размѣры предъ которыми останавливается въ недоумѣніи современная мысль.

Петръ превосходно воспользовался всѣми громадными средствами страны для созданія политическаго могущества и съ безпощадною энергіей боролся съ тѣми сторонами древнерусской жизни въ которыхъ онъ увидѣлъ источникъ государственной слабости. Если многія мѣры принятыя Петромъ въ пылу страстной борьбы съ оппозиціоннымъ элементомъ представляются безполезнымъ насиліемъ надъ жизнію и могутъ съ этой стороны подлежать строгому суду исторіи, то великое значеніе реформъ совершенныхъ имъ съ цѣлью разбудить дремавшія общественныя силы и направить ихъ на служеніе великимъ историческимъ идеямъ не можетъ подлежать спору. Къ числу важнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ реформъ несомнѣнно принадлежатъ реформы сослов-

ныя, ибо затрогивая непосредственно бытовую сторону, онѣ оставляютъ болѣе глубокій слѣдъ въ жизни народа нежели реформы административныя. Понявъ великое политическое значеніе сословій, Петръ привлекаетъ ихъ къ участію въ управленіи и вводитъ въ болѣе тѣсную и болѣе формальную связь съ правительствомъ. Сословныя преобразованія Петра, несмотря на формы и названія заимствованныя изъ иностранныхъ образцовъ, являются въ своемъ существѣ дальнѣйшимъ развитіемъ началъ выработанныхъ древнею Русью. Петръ своими реформами подводитъ итоги древне-русской жизни, обобщаетъ частности, установляетъ закономъ то чтò существовало въ обычаѣ. Подъ дѣйствіемъ Петровскихъ законовъ, сословія пріобрѣтаютъ болѣе ясныя формы и болѣе рѣзкія границы. Они дѣлаются сплоченными общественными союзами, съ опредѣленными правами и обязанностями и съ точно указанными отношеніями одного къ другому и къ Верховной Власти. Таково значеніе *Табели о Рангахъ* по отношенію къ служилому классу, учрежденія ратушъ и введеніе гильдій и цеховъ по отношенію къ городскимъ сословіямъ. То же вліяніе должны были оказать *Духовный Регламентъ* на духовенство и первая ревизія на крестьянское сословіе.

Наибольшаго вниманія нашего заслуживаетъ реформа служилаго сословія. Уже съ давнихъ поръ это сословіе занимало первенствующее положеніе въ странѣ. Московскіе государи смотрѣли на него какъ на главную опору престола. Пользуясь многими преимуществами, служилые люди отбывали одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ повинностей, военную службу. Обязанные по первому указу являться на защиту отечества, они вмѣстѣ съ тѣмъ занимали должности по внутреннему управленію. При однородности обязанностей, служилые люди до-Петровскихъ преобразованій не составляли одного сословія. Они раздѣлялись на нѣсколько категорій отличавшихся большею или меньшею замкнутостію. Служилый человѣкъ принадлежавшій по рожденію къ одной категоріи не имѣлъ права входа въ другую. Московскіе государи были не вполнѣ свободны въ пожалованьи чинами за

службу; они должны были сообразоваться съ категоріей служилаго человѣка. Московскій дворянинъ, по установившемуся обычаю не могъ быть произведенъ въ думный чинъ. Городовой дворянинъ не могъ получить чинъ стольника, составлявшій привилегію московскаго дворянина. Всякій случай нарушенія этого общаго правила вызывалъ неудовольствія, былъ диссонансомъ въ обычномъ ходѣ жизни.

Раздѣленіе служилаго сословія на разряды и обособленность этихъ разрядовъ, находившіе себѣ историческое объясненіе въ условіяхъ ихъ возникновенія, не находили себѣ въ царствованіе Петра никакого оправданія со стороны государственныхъ потребностей. Различіе въ служебныхъ преимуществахъ, при однородности служебныхъ обязанностей, вносило неясность и путаницу въ отношенія власти къ служилымъ людямъ, служилыхъ людей между собою и было причиной многочисленныхъ жалобъ. Однообразность обязанностей требовала установленія одинаковыхъ правъ. Къ этому же времени сталъ выясняться другой недостатокъ служилаго класса. Постепенно усложнявшійся механизмъ внутренняго управленія требовалъ людей опытныхъ, хорошо знакомыхъ съ адмистративнымъ дѣломъ. Правительство не всегда могло найти такихъ людей въ средѣ военнослужилаго класса. Вопросъ объ отдѣленіи гражданской службы отъ военной возникалъ уже въ царствованіе Ѳеодора, хотя и не привелъ тогда къ практическому результату.

Табель о Рангахъ по своимъ послѣдствіямъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ законовъ Петра. Раздѣленіе служилаго сословія, по образцу прусскаго, на 14 классовъ, за исключеніемъ нѣмецкихъ названій чиновъ, не было особенною новостію для русскихъ людей. Существенное отличіе отъ стараго порядка состояло въ уничтоженіи по отношенію къ служилому классу всякихъ преимуществъ породы. Служба и милость государя были поставлены наравнѣ со знатнымъ происхожденіемъ. Первый оберъ-офицерскій чинъ въ военной службѣ и 8й классъ въ гражданской, при знакомствѣ съ грамотой и ариѳметикой, давали людямъ самаго низкаго происхожденія права

одинаковыя съ потомками бывшихъ удѣльныхъ князей и великихъ московскихъ бояръ. Ближайшимъ послѣдствіемъ новаго закона была демократизація русскаго дворянства. Въ новооткрытыя двери ворвалась масса худородныхъ людей, болѣе или менѣе даровитыхъ, бойкихъ и преданныхъ реформенному порядку. Старое служилое сословіе должно было разводить свои ряды и дать мѣсто этимъ новымъ пришельцамъ. Каждая новизна причиняетъ боль людямъ интересы коихъ затрогиваетъ. Старые дворяне не могли радоваться реформѣ затронувшей ихъ личное самолюбіе и привычки, но они скоро съ ней свыклись. Обновленное дворянство быстро завоевываетъ себѣ выгодное и почетное положеніе, пріобрѣтаетъ такія привилегіи какихъ не могли добиться служилые люди въ XVII вѣкѣ, и становится тою живою дѣятельною силой страны которая помогла Русскимъ Государямъ въ послѣднія полтора столѣтія проявить во всемъ блескѣ могущество Русской имперіи. Значительный приливъ элементовъ не могъ не придать дворянству большей подвижности и не возбудить бо́льшаго умственнаго оживленія. Среди людей съ грубыми пріемами и низкимъ уровнемъ нравственности, получавшихъ дворянское званіе, много было способныхъ, дѣловыхъ и энергическихъ. Дворянство, доступное всякому дарованію, принимавшее въ себя все выдававшееся по уму и образованію сдѣлалось единственнымъ интеллигентнымъ культурнымъ сословіемъ въ Россіи. Усвоивъ преобразовательныя идеи, дворянство однако не утратило своихъ историческихъ традицій подъ напоромъ новыхъ элементовъ. Сдѣлавшись двигателемъ просвѣщенія и прогресса, оно сохранило стариннныя добродѣтели. Лица получившія потомственное дворянство по *Табели о Рангахъ* старались принаравливаться къ быту стараго московскаго дворянства. Петровское дворянство не уступаетъ старому служилому классу въ преданности царской власти. Оно охраняетъ неприкосновенность самодержавія также ревниво какъ охраняли его земскія сословія эпохи царя Михаила. Исторія этого новаго дворянства со времени событій воцаренія императрицы Анны и до борьбы которую

ведутъ въ наши дни остатки этого разбитаго и обѣднѣвшаго класса съ властолюбивыми домогательствами безсословной интеллигенціи служитъ лучшимъ доказательствомъ національныхъ достоинствъ петровской *Табели о Рангахъ* и лучшимъ опроверженіемъ взглядовъ той школы, называющей себя историческою, которая утверждаетъ что эта *Табель о Рангахъ* исказила историческое начало русской жизни.

Оканчивая очеркъ сословныхъ преобразованій Петра, мы считаемъ возможнымъ отвѣтить на вопросъ почему политическій организмъ Россіи, вышедшій изъ этихъ преобразованій, поражаетъ насъ стальною крѣпостію, между тѣмъ какъ политическій организмъ современной Россіи расшатанъ и разслабленъ. Петръ совершилъ важныя преобразованія сословій. Реформы шестидесятыхъ годовъ были построены на отрицаніи сословій. Петръ усилилъ дѣятельность общественныхъ союзовъ, обновилъ сословную жизнь притокомъ въ нее новыхъ силъ. Реформы шестидесятыхъ годовъ внесли въ эту жизнь начало разложенія. Петръ организовалъ народныя силы. Реформы шестидесятыхъ годовъ ихъ разрушили. Петръ обновилъ наши историческіе устои. Реформы прошлаго царствованія сдвинули насъ съ этихъ устоевъ. Понявъ великое политическое значеніе сословій въ русской исторіи, мы можемъ понять и великій контрастъ результатовъ этихъ двухъ преобразовательныхъ эпохъ. Мы не будемъ останавливаться на сословныхъ реформахъ Екатерины II. Будучи въ существѣ развитіемъ тѣхъ же началъ коими руководился Петръ, онѣ немного могутъ прибавить къ разъясненію занимающаго насъ вопроса. Укажемъ лишь на фактъ постепеннаго развитія сословнаго начала въ мѣстномъ земскомъ управленіи. Организованное Петромъ и расширенное Екатериной, сословное представительство было значительнымъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ усложнявшагося провинціальнаго управленія, но нормальное его развитіе было задерживаемо существованіемъ крѣпостнаго права, и лишь по отмѣнѣ послѣдняго земско-сословное представительство получаетъ превосходную организацію въ учрежденіяхъ созданныхъ Положеніемъ 19

февраля. Къ несчастію для Россіи, крестьянскія учрежденія, принесшія самые благіе результаты, чрезъ четыре года своего существованія были вполнѣ парализованы земскими и судебными учрежденіями.

Вдумываясь въ минувшія судьбы Русскаго народа, разсматривая историческія событія въ связи съ началами нашего государственнаго быта, мы не найдемъ въ этомъ десятивѣковомъ прошломъ никакихъ оправданій тому гибельному шагу который сдѣлало правительство прошлаго царствованія, подорвавъ цѣлымъ рядомъ реформъ сословное начало русской жизни. Обыкновенно въ оправданіе этихъ реформъ ссылаются на духъ времени, на идеи выработанныя западно-европейскою жизнью. Не отвергая значеніе идей, мы думаемъ что не слѣдуетъ игнорировать факты. Историческій опытъ намъ говоритъ что примѣненіе заимствованныхъ идей можетъ быть плодотворно если онѣ не противорѣчатъ національнымъ началамъ жизни; но преступно, ради какихъ бы то ни было доктринъ, приносить въ жертву интересы народа и государства. Политическая и соціальная нивеллировка въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы была результатомъ борьбы сословныхъ корпорацій и совершилась въ удовлетвореніе интересовъ одного класса, такъ-называемаго третьяго или средняго сословія, въ рукахъ котораго скопились матеріальныя и умственныя богатства, и который въ силу этого потребовалъ вліянія на ходъ политическихъ дѣлъ. Мы позволимъ себѣ спросить, во имя чьихъ интересовъ совершена соціальная нивеллировка въ Россіи? Чтò пріобрѣлъ народъ и чтò выигрываетъ правительство отъ упраздненія сословій? Въ послѣднее время лучшіе умы на Западѣ протестуютъ противъ теоріи коей господство превратило крестьянъ въ батраковъ, а дворянъ въ придворныхъ чиновниковъ и вмѣсто крѣпостнаго права землевладѣльцевъ установило худшее крѣпостное право—ростовщиковъ. Если германскіе ученые, понявъ что на процвѣтаніи крѣпкихъ сословій зиждется сила страны, заняты мыслію о поддержаніи крестьянскихъ дворовъ и дворянскихъ имѣній, во сколько же разъ

мы, русскіе люди, имѣемъ большее право поднять голосъ въ защиту русскихъ сословій и заняться изысканіемъ мѣръ къ обезпеченію правильнаго хода сословной жизни.

IX.

Въ предшедшихъ главахъ мы старались раскрыть основную причину современной общественной и политической дезорганизаціи. Если намъ удалось установить взглядъ на современное состояніе Россіи близкій къ истинѣ, то указаніе направленія по которому Россія можетъ выбраться на прямую историческую дорогу едва ли можетъ представить большія затрудненія. Если въ реформахъ прошлаго царствованія мы усматриваемъ великое зло въ томъ что они разрушили сословную организацію, то задача настоящаго должна состоять въ возстановленіи разрушеннаго. Но мы должны помнить что исторія народа никогда нейдетъ назадъ. Когда возникаетъ вопросъ о мѣрахъ къ исправленію существующаго порядка, мы не должны забывать что Россія прожила двадцать лѣтъ подъ дѣйствіемъ законовъ сдвинувшихъ ее съ историческихъ основъ. Какъ бы ни были ненормальны условія общественной жизни созданныя реформами прошлаго царствованія, мы не можемъ игнорировать тѣ глубокія измѣненія которыя онѣ произвели въ привычкахъ и воззрѣніяхъ общества. Печальный результатъ того пренебреженія къ исторіи и быту народа которое выказали творцы Земскаго и Городоваго Положеній служитъ убѣдительнымъ для насъ доказательствомъ невозможности слѣдовать ихъ примѣру. Но указывая на необходимость ставить законодательныя мѣры въ зависимость отъ измѣнившихся условій жизни, мы не хотимъ этимъ сказать что законодательная власть должна ограничиться полумѣрами. Вѣрная и ясно сознанная идея не должна дѣлать уступокъ заблужденію, не должна входить въ сдѣлки съ ложью. Удовлетвореніе потребностей сословныхъ корпорацій, мѣры къ нормальному развитію сословной жизни, должны быть поставлены въ основу правительственной дѣя-

тельности. Только твердая и послѣдовательная политика въ этомъ направленіи можетъ разсѣять туманы въ которыхъ блуждаетъ современная мысль, положить придѣлъ соціальному разложенію, и возстановить авторитетъ правительственной власти, утраченный со времени введенія въ дѣйствіе земской и судебной реформъ. Остановивъ твердою рукой стремленіе къ дальнѣйшему систематическому разрушенію послѣднихъ устоевъ государственной жизни, правительство должно немедленно приступить къ исправленію въ существующемъ политическомъ порядкѣ всего что̀ содѣйствуетъ ослабленію этихъ устоевъ.

Изъ обзора реформъ прошлаго царствованія мы видѣли что въ дѣлѣ разрушенія сословной организаціи первое мѣсто несомнѣнно принадлежитъ Земскому и Городовому Положеніямъ. Означенные законы, устранивъ наши сословія, эти единственныя общественныя или земскія силы Россіи, ото всякаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ, остановили развитіе народной жизни, сдѣлали невозможнымъ всякое движеніе впередъ. Правительство при современныхъ условіяхъ политической жизни, при сложныхъ потребностяхъ управленія, не можетъ удовлетворяться средствами одной бюрократіи и должно опираться на содѣйствіе общественныхъ элементовъ. Въ настоящее время, благодаря Земскому и Городовому Положеніямъ, всѣ связи правительства съ сословіями порваны, и правительство вынуждено искать содѣйствія не въ этихъ историческихъ общественныхъ составахъ которые обладаютъ активною силой и могутъ дать опору, а въ тѣхъ учрежденіяхъ, состоящихъ изъ случайной и безсвязной толпы, которыя являются источникомъ нашей смуты и нашей слабости. Правительство не можетъ питать довѣріе къ этимъ безсословнымъ учрежденіямъ, которыя не имѣютъ никакихъ охранительныхъ свойствъ и могутъ быть лишь силой отрицательною, оппозиціонною; а между тѣмъ, эти безсословныя учрежденія составляютъ фундаментъ современнаго политическаго порядка. Оставляя неисправленнымъ фундаментъ выстроенный изъ негоднаго и разрушающагося матеріала, без-

полезно приступать къ перестройкѣ зданія. Безъ измѣненія главнаго основанія на которомъ построены Земское и Городовое Положенія, будутъ безплодны всѣ попытки преобразовать мѣстныя учрежденія.

Реформа земскихъ и городскихъ учрежденій должна состоять въ замѣнѣ безсословнаго начала сословнымъ, въ установленіи *представительства отъ сословій вмѣсто представительсшва отъ случайныхъ группъ разнаго рода имущественниковъ.* Такая реформа безусловно необходима въ интересахъ государственной политики. Русскія сословія суть историческіе союзы, политическая нравственность которыхъ выработана продолжительною дисциплиной и никакому сомнѣнію не подлежитъ. Этою испытанною политическою благонадежностью сословія отличаются отъ случайныхъ союзовъ, отъ разныхъ экономическихъ группъ, гдѣ сознаніе нравственнаго долга и политическихъ обязанностей легко заглушается своекорыстными разчетами, эгоистическими побужденіями. Государственная власть безо всякаго опасенія за спокойствіе и порядокъ можетъ даровать сословіямъ привилегіи политическаго свойства, привлечь ихъ къ участію въ управленіи страной, между тѣмъ какъ предоставленіе общественныхъ правъ случайнымъ группамъ всегда соединяется съ извѣстною долей политическаго риска. Со введеніемъ сословнаго представительства возстановится значеніе нравственно-политическаго начала, въ настоящее время вполнѣ подавленнаго началомъ эгоистическимъ, и Россія снова вступитъ на историческій путь, который одинъ можетъ привести къ водворенію твердаго политическаго порядка. Нельзя сомнѣваться въ томъ что эта реформа самымъ благотворнымъ, оздоравливающимъ образомъ повліяетъ на весь общественный оранизмъ; она дастъ ему бодрость, вымышленные интересы сбродной толпы уступятъ мѣсто дѣйствительнымъ жизненнымъ интересамъ народныхъ сословій. Прекратится ложное положеніе, заставлявшее заботиться о мнимомъ и отрицать то что̀ есть. Будутъ крѣпнуть нравственныя связи, и явится должная оцѣн-

ка людей. Интрига и корысть перестанутъ быть единственными двигателями общественной жизни.

Преобразованіе земскихъ учрежденій на началѣ сословнаго представительства дастъ сословіямъ возможность развитія, но одна эта реформа не въ состояніи будетъ остановить современное соціальное броженіе, ибо останется неприкосновенною фикція о политическомъ равенствѣ сословій, объ одинаковой ихъ политической правоспособности. Какъ всякая ложь, эта фикція вноситъ смуту въ общественный бытъ и мѣшаетъ установленію правильныхъ нормальныхъ отношеній между сословіями. *Эти нормальныя отношенія явятся только тогда какъ дворянство станетъ снова служилымъ и вмѣстѣ земскимъ сословіемъ.* Возстановленіе исторической земско-сословной организаціи требуетъ также возстановленія историческихъ правъ. Только возвративъ дворянству его права, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обязанности по государственной и земской службамъ можно скрѣпить связи между правительствомъ и дворянствомъ и между дворянствомъ и землей. Возвративъ себѣ преимущественныя служебныя права, дворянство снова станетъ опорой Престола, снова пріобрѣтетъ почетное положеніе сдѣлавшись тою притягательною силой куда будетъ стремиться все что̀ выдвигается изъ другихъ сословій силой ума и дарованій. Прекратятся всѣ недоразумѣнія между дворянствомъ и крестьянствомъ, а на элементы безсословной Россіи будетъ наложена узда которая остановитъ дальнѣйшее развитіе въ нашемъ отечествѣ смуты хищничества и властолюбивыхъ домогательствъ.

Указанныя двѣ реформы выведутъ Россію на ту историческую дорогу съ которой она въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ сбилась въ сторону, и сдѣлаютъ возможнымъ тотъ прогрессъ жизни безъ котораго невозможна и самая жизнь, всякая остановка котораго подвергаетъ страну припадкамъ иногда неизлѣчимой болѣзни. Поставивъ сословія въ нормальныя другъ къ другу отношенія, эти реформы дадутъ помѣстному дворянству устойчивость и будутъ содѣйствовать сохраненію въ рукахъ дворянства земельной собственности.

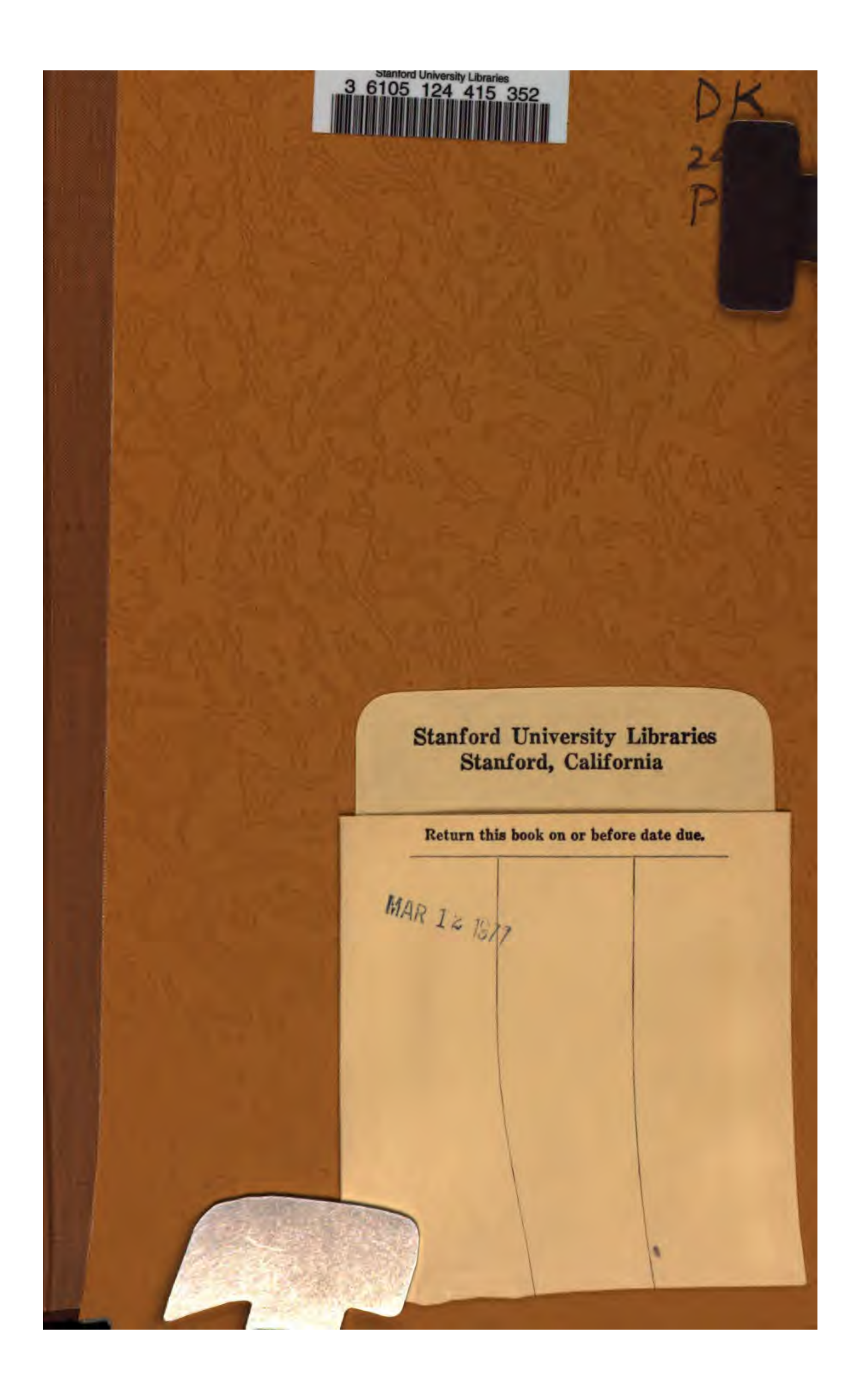
Нельзя однако надѣяться что со введеніемъ этихъ двухъ реформъ наступитъ полное исцѣленіе. Общественный организмъ слишкомъ глубоко потрясенъ. Нѣкоторыя части его слишкомъ сильно пострадали чтобы можно было разчитывать на нормальную ихъ дѣятельность. Есть поводы опасаться что дворянство предоставленное своимъ собственнымъ силамъ не въ состояніи будетъ занять то положеніе въ странѣ которое требуется государственными потребностями. Помѣстное дворянство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ обѣднѣло численно что безъ притока въ его среду новыхъ сильныхъ элементовъ оно не будетъ въ состояніи удержать свое положеніе и исполнять свои обязанности.

Исторія указываетъ путь по которому должно идти дворянство для сохраненія и усиленія своего значенія. Аристократическая исключительность и сословная замкнутость противны характеру нашей исторіи и началамъ нашего государственнаго быта. Боярство, слишкомъ долго и упорно державшееся за принципъ исключительности, утратило свое значеніе и потеряло всѣ свои привилегіи. Служилый классъ, утративъ послѣ Петровскихъ реформъ всѣ признаки замкнутости, усилилъ свое значеніе и расширилъ свои привилегіи. Но рядомъ съ путемъ указаннымъ Петромъ Великимъ бытьможетъ полезно указать для полученія дворянства иной путь, болѣе соотвѣтствующій современному положенію. Мудрость законодателя состоитъ въ искусномъ устройствѣ воротъ, не настолько широкихъ чтобы въ нихъ врывались негодные элементы, но и не настолько узкихъ чтобы затруднять полученіе дворянства для наилучшихъ элементовъ другихъ сословій. Притокъ новыхъ хорошихъ элементовъ разбудитъ сословную жизнь помѣстнаго дворянства, атрофированную реформами шестидесятыхъ годовъ. Эти элементы, въ настоящее время враждебные дворянству, сдѣлаются союзными въ общей службѣ. Это усилило бы дворянство матеріально и нравственно и помогло бы ему поднять свое политическое значеніе, что̀

становится насущною потребностію современнаго состоянія России.

Реформы земская и дворянская должны быть первыми шагами дальнѣйшей законодательной дѣятельности. Мы считаемъ ихъ болѣе неотложными нежели другія преобразованія, ибо только онѣ могутъ расчистить дорогу всѣмъ этимъ другимъ преобразованіямъ. Только эти реформы могутъ привести въ нѣкоторый порядокъ разстроенныя отношенія между общественными классами и скрѣпить нравственныя связи правительства съ народомъ. Съ преобразованіемъ земства на сословномъ началѣ значительно упростится задача реформы мѣстныхъ учрежденій. Вопросъ объ участіи въ управленіи сословнаго земства не будетъ возбуждать тѣхъ непримиримыхъ разногласій какія имѣютъ мѣсто въ настоящее время, когда заходитъ рѣчь о предоставленіи административныхъ правъ органамъ нынѣшняго безсословнаго земства. Вопросъ о замѣщеніи должностей по правительственному назначенію, или по земскимъ выборамъ, потеряетъ свой острый характеръ. Преобразованіе тѣхъ или другихъ учрежденій будетъ разсматриваться со стороны практическихъ удобствъ, а не съ точки зрѣнія началъ нашего государственнаго строя. Вопросъ объ этихъ началахъ, съ возстановленіемъ земско-сословной организаціи, будетъ стоять внѣ всякихъ сомнѣній, а самое примѣненіе началъ не можетъ раздѣлять людей на два враждебные лагеря. Едва ли можетъ быть разногласіе по вопросу какая цѣль должна быть достигнута реформой мѣстныхъ учрежденій. Никто не станетъ оспаривать положенія что слѣдуетъ поднять среди населенія авторитетъ власти, для чего необходимо объединить органы мѣстнаго управленія. Если оставить нетронутымъ основаніе на которомъ стоятъ нынѣшнія земскія учрежденія, то объединеніе ихъ можетъ быть только механическимъ, а не органическимъ, ибо немыслима никакая солидарность между правительствомъ и безсословнымъ земствомъ. Эта солидарность явится только тогда какъ

неизвѣстныя величины нынѣшняго безсвязнаго сброднаго земства замѣнятся опредѣленными, хорошо знакомыми правительству, историческими силами. Тогда и объединеніе достигнется безъ особыхъ усилій, ибо оно будетъ держаться на испытанныхъ въ своей крѣпости нравственныхъ связяхъ. Съ объединеніемъ же правительственныхъ и земскихъ органовъ управленія будетъ достигнута главная цѣль реформы мѣстныхъ учрежденій: подъемъ авторитета власти.

Stanford University Libraries
3 6105 124 415 352
DK
24
P
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
MAR 12 1977

